

25 Septembre 1935.

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNEE

25 СЕНТЯБРЯ 1935 г.

183

25 ВЕРЕСНЯ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Содержание:

1. Константин Поляков: **
 2. Сергей Чепурной: К казакам.
 3. Павел Поляков: Ноктюрн.
 4. И. К. Скубани: Перед разлукой.
 5. Захарий Кондрашов: Ветер.
 6. О. Ходькевич-Сапсай: Казача могутня федерація.
-
7. Ко всем вольным казакам в Болгарии.
 8. Трагедия Казачества.
 9. Николай Посохов: Путиами предков.
 10. Подлинное лицо Граббе.
 11. Думы и мысли.
 12. Чикомас: Казачье зеркало.
 13. Казачья эмиграция.

Почтовый ящик:

Крезю. Л. П. — Получено. Привет.
Белград. П. К. — Все послано. Привет.
Белград. Г. К. — Исполнено. Привет.
Фельфор. Х. В. — Можно будет. Привет.
Царьгород. М. З. — Листа з додатком дістали. Ви-
таємо.
Нью-Йорк. В. Т. — Спасибо. Адрес исправлен. При-
вет.
Бгэзилия. П. С. — Послано. Привет.
Рубэ. И. Ф. — Исполнено. Привет.
Петровград. Н. К. — Исправлено. Привет.
Германия. С. Б. — Исправлено. Привет.
Парагвай. А. Л. — Ответ письмом. Привет.
Мондевилль. Л. — Получено. Привет.
Ромба. К. — Получено. Привет.
Мон Ферран. — И. П. Получено. Привет.
Виши. С. Ч. — Все получено. Привет.
Монсо ле Мин. Ш. — Получено. Привет.
Пирей. З.-В. — Получено. Спасибо. Привет.
С. Жюльен. А. — Получено. Привет.
Бельфор. Х. В. — Получено. Привет.
Кальвадос. И. П. — Получено. Привет.
Дессау. Д. Т. — Получено. Привет.
Америка. С. С. — Получено. Привет.

Многим. — За время моего отсутствия из Парижа скопилось много корреспонденции, часть которой осталась до сих пор без ответа (из-за недостатка на то у меня времени). На этой почве возник ряд недовольств или недоразумений. Предупреждаю, что и в будущем возможен случай такой «неаккуратности» с моей стороны, т. к. не могу я сидеть все время на месте, а во-время предупредить всех о своих предполагаемых поездках я тоже не всегда могу.

И. Б.

ПОПРАВКА

к повести Н. Посохова «Путиами предков».

В предыдущем номере, на 15 стр., в правом столбце, в первом абзаце сверху (4-я строчка сверху) последнее предложение следует читать так: «Когда все стихло и соседи вышли из дому, то увидели у крыльца дома окровавленный труп вашего отца, а около него вашу мать в обмороке. Сперва думали, что они оба мертвые, но когда их перенесли в дом, то мама ваша очнулась».

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

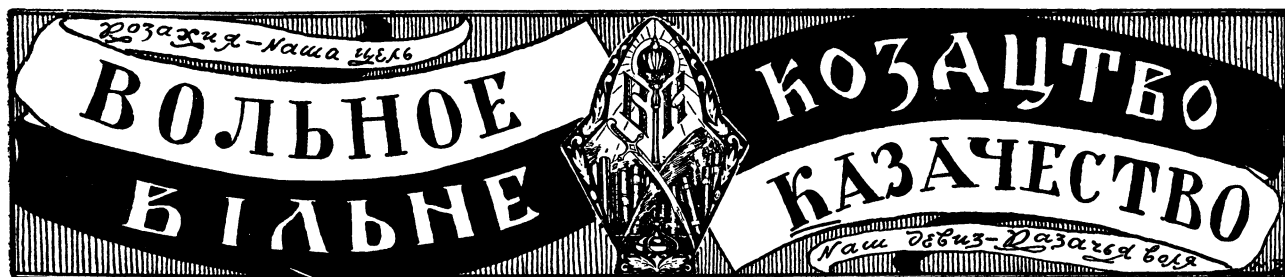
Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

НАСТОЯЩИЙ НОМЕР ВЫШЕЛ С ОПОЗДАНИЕМ ИЗ-ЗА ТЕХНИЧЕСКИХ ЗАТРУДНЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПЕРЕХОДОМ ТИПОГРАФИИ В ИНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 183

Среда 25 сентября 1935. — Среда 25 вересня 1935.

№ 183

Константин Поляков

Сергей Чепурной

Изгнания дни серей осенних дней...
В чужих краях нет счастья, нет и жизни...
И мысли тянутся к родной Отчизне
Так, как ребенок к матери своей.
Нам холодно, как путнику в ненастье,
И неуютно здесь среди чужих домов,
И мы уже не знаем воли счастья,
Хотя и нет на нас оков.
И раньше мы считали дни и годы —
Теперь идет второй десяток лет,
Когда для нашего казачьего народа
На собственной земле свободы нет.
Что говорить! Ведь много говорили,
Но кровь никто не назовет водой...
А этой кровью алой обагрили,
Залили наш народ родной.
Эх, мысли черные, как трауром накрыли,
А сердце — будто кто рукою грубой сжал...
Так что же делать, если уронили
Палаши? Поднять, коль он из рук упал!
О Воле, правде думать — не иначе,
А сердце факелом должно гореть,
Тогда не смогут наш народ казачий
С лица земли родной стереть.
Слова бледны пред муками народа
И тяжкой долей, выпавшей Отчизне,
А жуть свинцом легла: не только что свободу,
Отнять хотят у нас возможность жизни...
И путь к стране родной, как шлях дождем
розытый,
Среди него — бесжалостная смерть...
А сколько нет средь нас и сколько их убито,
Но все-ж мы не дадим Отчизне умереть!
Довольно говорить, речей уже не надо!
Друзья у нас — с Украины и с гор...
Сегодня не слова — орудий канонада
Наш разрешит с Москвою спор.

К казакам

Гей вы, рыцари Края степного,
Сладко-ль спать под московский трезвон?
Не тревожит, хотя бы немного,
Вас с отчизны несущийся стон?

Неужели врагу вековому,
Казаки, вы готовы помочь?
Где-ж любовь ваша к краю родному,
Над которым спустилася ночь?..

Казаками вы быть перестали —
Вас пугает страдания путь
Весь поросший густыми тернами,
А за ними... на помощь зовут.

Несомненно, итти безопасней
Вам туда, где изменников ждут —
Путь короче, иным он прекрасней...
Ничего, — что кровь нашу там пьют...

Перестанут... не правда-ль, родные?!
Все пройдет и травой порастет...
Приготовьтесь, «орлы боевые» —
Час желанный уже настает.

Может завтра придется: заставят
Пожать руки убийц, палачей!
А пожмете — Иудой восхвалят...
Поскорее-ж повязку с очей

По казачьи бесстрашно сорвите —
По дедовски, как, помните, встарь,
Встав во весь рост казачий, скажите:
— Прочь от нас бело-красная тварь!

Гей, потомки истории славной!
Двум Богам невозможно служить!
Вам отчизна измены коварной
Никогда, никогда не простит.

Павел Поляков**Н О К Т Ю Р Н**

Горит, горит святой огонь, —
 Он постоянен. Неизменно
 Его зипунные бойцы
 Зажгли с колена на колено.
 Замета в седине волос
 Грядущей старости дыханье,
 Я нынче рад от юных дней
 Неизменившимся желаньям.
 Я нынче рад, что я один,
 Один без горечи сомнений
 Пошел по славному пути
 Навстрѣчу прадедовским теням.
 И вот, не ведая друзей,
 Ни ласки тихой, ни опоры,
 Я в песне утопил своей
 Уединения укоры.
 Один... один... Лишь верный пес
 (Характер — складки философской)
 Со мною стойко перенес
 Час навождения бесовский.
 И, зажигая в тишине
 Огонь зардевшейся лампы,
 Мы оба веселы вдвойне,
 Мы оба сделанному рады.

Пройдет годов неслышный ход,
 Умрут мгновенные упреки
 И будет счастлив мой народ
 Победой правды светлоокой.
 Когда-ж измученному мне
 Предел земной Господь положит,
 Ничто в бескрайней вышине
 Души покоя не встревожит.
 Я верен был. Я Дон — любил,
 Служа Казачеству и Воле,
 И этим — счастлив мой удел,
 Мне ничего не нужно боле.
 Спокоен я: пройдут века,
 Настанут времена и сроки...
 Но вечно будут бить ключей
 Любви целебные истоки.
 Живи, мой Дон. Господь велик
 И справедлив до граней меры:
 Он в сердце скромное вселил
 Неисчерпаемую веру...
 Горит, горит святой огонь —
 Он постоянен. Неизменно
 Его зипунные бойцы
 Зажгли с колена на колено.

И. К. Скубани**ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ**

*(Посвящаю лучшему другу моей
 скитальческой жизни Ж...ке)*

Перед призраком долгой разлуки,
 Как пред смертью моей, трепещу
 И, ломая в отчаянии руки,
 Я на жизнь мою гневно ропщу...
 Ты уедешь и снова густая
 Мое счастье затаит вуаль,
 А в душе, море слез вызывая,
 Всколыхнется немая печаль.
 В голове воспаленной проснутся
 Безотрадные думы мои,
 Словно осы свирепо вопьются
 Их жужжащие, злые рои...
 А в холодной, небесной лазури,
 Как теперь, будет плавать луна
 И глядеть на житейские бури,

Недоступным величием полна.
 И как в нынешний вечер тревожный
 Будет ветер тоскливо рыдать,
 Или, взбешенный, в ярости грозной
 Станет снег по дорогам сметать.
 Так же в утро румяное рано
 Солнце бросит ласкающий луч
 И закроется дымкой тумана,
 Утонув в беспредельности туч...
 Все останется без измененья,
 Соблюдая законы Времен, —
 Только наши свиданья-мгновенья
 Превратятся в несбыточный сон, —
 Только я в одинокие ночи
 О былом буду с грустью мечтать
 И твои лучезарные очи
 Нежно в грезах моих целовать.

В Е Т Е Р

Захарий Кондрашов.

Ветер воет и гудит —
 Пыль в степи вздымает...
 Ветер этот темной ночью
 Плачет и рыдает...
 Плачет он о казаках,
 Что в боях убиты,
 Чьи могилы по степям
 Тернами увиты...
 Много их уже легло
 За свободу, волю,

За Казачество родное,
 За казачью долю...
 Много холмиков-могил
 По степям широким,
 Много смерть свою нашли
 И в Дону глубоком...

 Ветер воет и гудит —
 Все не утихает...
 Ночью ветер-ураган
 Плачет и рыдает...

О. Ходькевич - Сапсай**Козача могутня федерація**

Нсвитня вільно-козацька псема-дума, скомпонована мов-би з думок-пісень козаків-бандуристів.

1.

НЕХАЙ ІДЕ СЛУХ - ПОСЛУШАННЯ ПО ЦІЛОМУ СВІТУ.

...Гей, заграйте, навкруги заграйте, козаки
в трубу,

Та ударьте сто й один раз добре із гармати:
Нехай увесь світ почує зараз, — в слухну

добу,
Що уже воскресла-встала Козакія — наша
Мати!...

...Гей, слухайте добре, усі вільний народи:
Що уже Козацтво повстало і рветься до

свободи;

Усім своїм лиходіям на лихо і на страх,
Зійшло воно зараз на рівний свій Шлях;
Та ніколи не зверне воно з цієї дороги,
Аж поки не добуде над ворогом перемоги...

2.

**ВІЛЬНИЙ ГОЛОС ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА НА ЧУЖИНІ
(Перша Козача Конституція на еміграції)**

...Гей, та про-між три моря одвіку козачих:

Азовського, Чорного й Каспія,
Де одвіку течуть річки козаці: Дін, Кубань,

Терек, Волга та Яїк,
Гей, постає на тій землі могутня Федеративна
Держава Козакія,

Що має самостійно жити — пробувати там
на вічний вік і вік...

3.

НАКАЗ ПОХОДНОМУ СТАМАНОВІ ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА.

...Гей, та обрали ми, Вільні козаки —

вільними голосами,

Кинувши вгору шапками,
І закріпили те обрання своїми З'їздами й
Кругами,

Та підписали власними руками:
Козака станиці Ольгинської, Кубанського

Війська,

Інженера Білого Гната,
За свого козачого Походного Отамана,

Батька, пана й Брата,
Гей, та надаєм ми йому від усього Нашого
Козацтва

Міцної сили й волі,
Щоб гуртом з нами зрятувати Рідну Землю
З тяжкої неволі.

Гей, та нехай же панує та батькує Білий
Гнат над нами,

Усіма Вільними Козаками,
Та подай йому, Боже, великого розуму й мочі,

Дбати про те що-дня й ночі,
Та пошли йому, Свята Покрово, лебединий вік,
Та журавлиний крик...

Ко всем вольным казакам в Болгарии

Первого сего сентября в гор. Трговище (Ески-Джумая) состоялся съезд представителей пяти вольноказацких организаций в Болгарии в присутствии Походного Атамана ВК инж. И. А. Билого. Съезд этот, выслушав Походного Атамана и подробно обсудив положение дела ВК в Болгарии, созданное здесь выступлением «оппозиции», признал правильными решения уже состоявшихся ВК Кругов и Съездов, избравших Походным Атаманом ВК инж. И. А. Билого, и решил обратиться ко всем вольным казакам в Болгарии с призывом объединиться около Походного Атамана ВК.

Сообщая вам об этом, мы хотим верить, что призыв этот найдет отклик в сердцах всех вольных казаков в Болгарии и все они решительно положат предел дроблению казачьих национальных

сил, нужному, особенно в настоящий момент, только нашим врагам. Сделаем же так, чтобы не радовался наш враг над разбитым казачьим национально - освободительным движением, а радовались бы поскорее мы сами и наши поработанные ныне братья — радовались бы успеху ВК дела.

Объединим же впредь наши усилия для достижения нашей основной цели.

Подлинный протокол съезда подписали:

Председатель съезда: *Н. Ковалев*

Секретарь: *П. Воротников*

Делегаты: *В. Юров, М. Туроверов, С. Гринкин, Л. Бразда и М. Токарев.*

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Осеннее генеральное сражение.

Августовское продвижение 9-й и 10-й советских армий в пределы Дона чрезвычайно встревожило донцов. Донское Правительство и, особенно, донское командование должны были принять необходимые меры для освобождения той части Донской Земли, которая в августе была занята красными армиями. Наряду с объявлением Донским Правительством 19 августа 1919 г. новой мобилизации казаков (до 48 летнего возраста) донское командование принимало все возможные меры для полного очищения Донского Края от русских завоевателей.

Уже 27 августа командующий Донской армией ген. Сидорин приказал 1-му и 2-му Донским корпусам возможно скорее нанести удар вверх по р. Медведице, а 4-му корпусу ген. Мамонтова, по ликвидации Лискинско - Валуевской группы красных, **удалить по тылам противника в сторону р. Волги...** Приказ командующего Донской армией, данный армии 6-го сентября, проводить ту же мысль о необходимости скорейшей ликвидации красных войск, захвативших к тому времени значительную часть Донской территории (см. выше: «Завершение генерально-го русско-казачьего сражения»).

10-го сентября Донское командование весьма настойчиво убеждало ген. Деникина о необходимости окончательной ликвидации Приволжской группы красных войск.

Так как лобовые удары по 8-й сов. армии, с целью захвата узловой станции Лиски, не дали для казаков желательных результатов и причинили только огромные потери казачьим частям, то Донское командование того же 10-го сентября приказало войскам разбить Калачевско - Павловскую группу советских войск и, путем обхода Лискинской группы красных войск с севера, уничтожить и эту последнюю.

12 сентября начальник штаба Донской армии по телеграфу пояснил начальнику штаба ген. Деникина, что «при успехе нашей конницы с севера на направлении Бобров - Таловая - Калач представляется благоприятный случай не только совершенно вывести из строя остатки 8-й армии, но и прикончить с главной группой Приволжского фронта — Буденным».

В тот же день, 12 сентября, командующий Донской армией вновь приказал всем четырем Донским корпусам перейти в общее наступление.

Мы уже знаем, что наступление донцов между р. Доном и р. Хопром не удалось. Больше того, 2-й корпус принужден был даже несколько отступить назад и временно уйти на правый берег р. Дона.

Теперь и 9-я сов. армия вплотную подошла к левому берегу р. Дона между городом Павловском и устьем р. Хопра, а 8-я армия занимала фронт вверх по течению р. Дона от г. Павловска через Лиски и далее до Борщева.

Согласно распоряжениям красного командования известный нам сильный корпус Буденного должен был переправиться через р. Дон у станции Казанской и ударить в юго-восточном направлении непосредственно по тылам 2-го и 1-го Донских корпусов с целью облегчения дальнейшего продвижения вперед 9-й и 10-й советских армий. 16-го сентября корпус Буденного был уже в районе ст. Казанской и приступил к организации переправы на правый берег р. Дона. 17-го сентября главнокомандующий красными армиями полк. Каменев «настойчиво добивался направления Буденного на юго-восток от Богучара» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 151 и 178).

Вновь наступил весьма решающий и критический момент в казачье-русской войне: Усть-Медведицкий

и Хоперский округа Дона были заняты красными; целых три русских армии — 10-я, 9-я и 8-я, в состав коих входило два лучших сильных боевых корпуса красной конницы — Буденного и Думенко, — нависали на всем течении среднего Дона, от гор. Воронежа до района гор. Царицына, и каждую минуту готовы были всей своей тяжестью ринуться через р. Дон с целью дальнейшего захвата Казачьих Земель...

«Оценивая серьезную угрозу этой группы, Донское командование обращалось неоднократно к главнокомандованию с просьбой прежде всего уничтожить эту группу и, лишь после этого, продолжать марш на север», говорит бывший начальник разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии генерального штаба полковник Добрынин; «предлагалось сосредоточить всю массу конницы Юга России в Воронежском районе и ударом по тылам Приволжской группы в общем направлении на Балашов и далее, по обстановке, на Саратов или Камышин, разбить ее. Эта операция сразу изменяла положение на всем фронте и выводила его на всем протяжении за границу области, разрешая тем самым острый вопрос так называемой «пограничной болезни» казаков, неохотно удалявшихся от границ Дона» («Борьба с большевизмом на Юге России», стр. 83).

Однако, и теперь снова интересы Казачества резко столкнулись с интересами «русского белого движения» — казаки бились за свою землю и волю, а Деникин делал последнюю ставку, стремясь во что бы то ни стало пробиться к Москве. Поэтому Деникин 17-го сентября вновь предписал Донской армии ограничиться в центре и на правом фланге обороной, чтобы сосредоточить надлежащие силы на своем левом фланге против Лиски и Воронежа» (Деникин. Очерки Смуты, т. 5-й, стр. 232).

Сопоставляя этот приказ ген. Деникина с выше приведенным приказом главкома Каменева, данным в тот же день 17-го сентября, видим, что красная Россия собиралась нанести главный удар именно по Казачьим армиям, а белая Россия старалась в это время опереться на казаков при движении «белых» на Москву. Чтобы не быть голословным, отметим, что 18 сентября 1919 г. (1-го октября по нов. стилю) главком Каменев, в разговоре по прямому проводу с командующим Приволжской группой красных армий Шориным, подчеркнул: «центр тяжести операции против Деникина лежит на вас» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 151). Это указание красного главкома тем более характерно и показательное, что Деникин еще 7-го сентября захватил гор. Курск и поднимался к гор. Орлу. И при этих условиях казачьи армии являлись наиболее опасным противником красной России.

Насущные интересы Казачества и реальная боевая обстановка на Донском фронте не позволили донскому командованию выполнить выше приведенный приказ Деникина. 17-го сентября ген. Сидорин отдал директиву о переходе Донской армии в общее наступление с целью, не выпуская инициативы действий из своих рук, **разбить** 8-ю и 9-ю сов. армии. Было приказано: 1-му корпусу выйти на фронт Арчеда-Усть Бузулукская; 2-му Корпусу — форсировать Дон и выйти на фронт Усть-Бузулукская — гор. Калач; 3-му форсировать р. Дон на участке Богучар-Павловск и наступать на фронте Подгорная и Осеред; 4-му корпусу Мамонтова и 3-му Кубано-Терскому действовать во фланг и тыл 8-й сов. армии с севера.

Так как красное и донское командование ставили активные задачи для своих войск, занимавших

фронт по р. Дону, на всем казачье-русском фронте началось новое генеральное сражение.

Обратимся теперь к действиям 4-го Донского корпуса ген. Мамонтова. Выполняя директиву командарма, данную еще 12 сентября (см. выше), этот корпус 12-13 сентября прорвал фронт 12-й сов. дивизии, переправился на левый берег р. Дона в районе Борщова, что севернее гор. Коротояка, и ударил по тылам 8-й сов. армии в общем направлении на станцию Таловую.

Один из большевистских исследователей прошлых событий об этом рейде 4-го корпуса между прочим говорит следующее:

...«Занятие ст. Таловой конницей Мамонтова нарушило связь штаба 9-й армии с его правофланговыми частями и, в случае ее дальнейшего продвижения, создавало сильную угрозу Новохоперскому району. Поэтом командование Юго - Восточным фронтом (Шорин) на борьбу с этим рейдом бросило значительные силы. Против корпуса Мамонтова направились конный корпус Буденного, кавалерийская группа 9-й армии под командованием Блинова, 21-я стрелковая дивизия — резерв фронта, располагавшаяся в Новохоперске, 22-я железно - дорожная бригада и разного рода местные формирования» (Какурин. Как сражалась рев., т. 2-й, стр. 314).

Количество и сила войсковых частей, брошенных красным командованием на ликвидацию второго рейда корпуса Мамонтова, убедительнее всего говорят о том, какое фактическое значение имел этот новый казачий рейд.

Выше было отмечено, что 17-го сентября главным Каменев настойчиво требовал скорейшего перехода корпуса Буденного на правый берег р. Дона для облегчения перехода на тот же берег всей 9-й советской армии. Однако, Буденный, получив сведения о новом рейде Мамонтова по тылам красных армий, не выполнил боевого приказа о переправе на южный берег р. Дона и **самовольно направился со своим корпусом на север для преследования Мамонтова:** 18-го сентября через ст. Криушу Буденный двинулся на север — на Таловую, находящуюся верстах в 150 к северу от станицы Казанской; 23-го сентября Буденный был уже в районе Чесменки — севернее гор. Боброва, выйдя на правый фланг 8-й сов. армии (Егоров. Разгром Деникина, стр. 179).

Командующий Юго - Восточным советским фронтом царский офицер генерального штаба Шорин, 19-го сентября сообщая главнокомандующему Каменеву о самовольном уходе Буденного на север, заявил: «Раз уж так вышло, то прошу дать ему задачу разбить этого Мамонтова». Главком Каменев на это ответил: «Очень печально, что у Вас так исполняются приказания. Теперь ничего не остается, как только согласиться с Вашим решением» (там же, стр. 152).

Самовольный уход Буденного со среднего Дона на север от железной дороги Лиски-Балашов создал новую и неожиданную обстановку на фронте. Даже большевистские исследователи прошлых событий признают, что уход Буденного на север для поисков Мамонтова **сорвал всю намеченную операцию перехода 9-й сов. армии на правый берег р. Дона.** Это было первым, как видим, весьма существенным последствием второго рейда Донской конницы Мамонтова (о первом рейде на Тамбов - Козлов - Елец и т. д. см. выше).

Не менее важным было и то, что второй рейд Мамонтова отразился резко отрицательно на состоянии и боеспособности 8-й сов. армии, уже сильно потрепанной казаками в августовских и сентябрьских боях.

Бывший командующий Южным советским фронтом полк. Егоров о состоянии 8-й сов. армии пишет следующее:

...«22 сентября в одну из фланговых частей 9-й армии прибыл уполномоченный от штаба 8-й армии с докладом о состоянии частей, который по телеграфу был передан в центр. В этом докладе командование армией рисует состояние частей последней в

самых мрачных красках. В результате потери Воронежа, сильнейшего нажима по всему фронту армии и особенно в центре и на левом фланге, нахождения в тылу рейдирующего корпуса Мамонтова, а равно и в силу отсутствия всякой связи с соседями и высшими штабами (отсутствовала даже радиосвязь), при полном истощении боеприпасов всякого рода, — армия потеряла возможность не только наступать, но и оказывать какое-либо противодействие угрозе обхода противника... Было ясно, что для спасения армии от окончательного развала и возможного уничтожения надо было не требовать от нее наступательных действий, как это делало фронтовое командование, а стремиться к выводу ее из-под ударов противника и, воспользовавшись каким-либо естественным прикрытием, заняться приведением ее частей в порядок, пополнением боеприпасов и только тогда приступить к продолжению борьбы. Это решение на свой собственный страх и риск принял временно командующий армией т. Ратайский, причем в качестве прикрывающего рубежа им была избрана река Икорец от ст. Тулиново до ее впадения в Дон. Сюда-то и начался 22 сентября тяжелый отход армии под не прекращавшимися ударами белых. За этот промежуток времени Мамонтов успел сделать налет на Таловую, чем сорвал, как мы видели, наступление 9-й армии и облегчил в свою очередь наступление Донской армии. К 22 сентября, возвращаясь к Воронежу на соединение с корпусом Шкуро, Мамонтов находился в районе Московское. Таким образом подходящим правофланговым дивизиям пришлось встретиться при своем отходе с Мамонтовыми, вследствие чего отход совершался медленно и с большими потерями... (Егоров. Разгром Деникина, стр. 178-179).

Вследствие этого вынужденного отхода 8-й сов. армии станция Лиски 23 сентября попала, наконец, в руки частей 3-го Донского корпуса.

Следует отметить, что в это время донское командование настаивало на том, чтобы конный корпус Шкуро из района гор. Воронежа тоже ударил в юго-восточном направлении с целью ликвидации 8-й сов. армии. На это ген. Деникин 19-го сентября ответил следующей телеграммой:

«Срочно. Секретно. Миллерово — Командарм Дон. Дополнение нр. 013148 и на нр. 0447/К. Генерал Шкуро совершенно прав, что отвлекает на себя силы, так как глубокое продвижение Добармии запутает все карты противника и заставляет его снимать силы с Вашего фронта, дабы заткнуть пустое место перед фронтом Добармии. Несомненно прав Шкуро в стремлении обеспечить частью сил Воронеж. Совершенно непонятно для меня появление ген. Мамонтова в районе Воробьевка - Бутурлиновка вместо выполнения прямой задачи содействия овладению Лискинским узлом. Потребуйте прежде всего от постоянных Ваших подчиненных выполнения поставленных им задач, дабы ген. Шкуро не было поводов уклоняться от исполнения Ваших приказов. Жду точных донесений, где ген. Мамонтов и почему он оказался совсем не там, где ему надлежит быть.

Таганрог. 19-9-19. Нр. 013152. Деникин.»

В этот же ден ген. Деникин телеграфировал командующему Донской армией: ...«Ген. Мамонтов, вместо выполнения поставленной задачи, гуляет по пустым местам... и т. д. (см выше: «Русское командование и Донская армия»).

Чтобы закончить общее рассмотрение второго рейда ген. Мамонтова, сошлемся на донесение его штабу Донской армии 22 сентября 1919 г.:

«Оперативная. После ряда успешных боев у Аношкино, Давыдовки. Можайское, Криуша, Таловая, Нов. Чилга, Чесменка, Рогачевка и Подклетное Корпус вышел в район Усман (Собакино). Взято свыше 8 тысяч пленных и комиссаров совет. Республики и бронированный поезд совершенной конструкции, два вполне исправных действующих броневых автомобиля, три легких и два грузовых автомобиля, шесть поездных составов груженых интендантским имуществом. Сегодня Корпус переходит в район Рогачевки, дви-

гаясь в общем в направлении на Средн. Икорец»...

24 сентября, заметая следы своих нападков на Донскую армию (см. «Русское командование и Дон. армию»), ген. Деникин телеграфировал командующему донской армией:

«Генералу Сидорину. Май-Маевскому.

Сердечно благодарю Вас и прошу передать доблестным частям ген. Мамонтова и ген. Шкуро мою искреннюю благодарность за их последнюю боевую работу, закончившуюся разгромом частей 8-й советской армии и захватом важного железно-дорожного Лискинского узла.

Севастополь. 24-9. 1919 г.»

Так как Кубано - Терский конный корпус ген. Шкуро 17-го сентября занял г. Воронеж и продвигался далее на север, на северо-восток и на восток от этого города, а корпус ген. Мамонтова рейдировал по большевицким тылам к юго-востоку от гор. Воронежа, весь Южный советский фронт оказался разорванным в районе Воронежа, при чем 8-я сов. армия, принадлежавшая к составу армий Южного красного фронта, была оторвана от соседней справа 13-й сов. армии и прижата к 9-й армии, входившей в состав Юго-Восточного сов. фронта.

Как мы знаем, корпус Буденного, самовольно ушедший из расположения армий Юго - Восточного фронта, 22-го сентября оказался на правом фланге 8-й сов. армии, т. е. в расположении Южного сов. фронта. Командующий этим последним фронтом решил немедленно воспользоваться корпусом Буденного и 23-го сентября следующим образом определял задачу для действий этого сильного большевицкого корпуса: «Поскорее покончить с этим конным кошмаром и дать возможность 9-й сов. армии основательно закрепиться на Дону». Красный главнокомандующий заявил: «Буденный, давая на Мамонтова, а затем на Шкуро, окажет значительную поддержку 8-й армии» («Гражданская война», т. 3, стр. 265).

24-го сентября корпус Буденного был подчинен командующему Южным советским фронтом. Командующий этим фронтом следующим образом формулировал боевую задачу для Буденного:

«Мамонтов и Шкуро соединились в Воронеже и действуют на Грязи — разыскать и разбить их» (там же).

С конца сентября 1919 г. началось боевое состязание казачьей и большевицкой конницы в районе гор. Воронежа (см. об этом далее).

Тем временем разыгрались решительные события на центральном участке фронта, занимаемого Донской армией.

Начатая еще 19 августа 1919 г. новая мобилизация на Дону (до 48 летнего возраста) дала весьма значительные пополнения в Донскую армию. Не имея точных данных о результатах этой мобилизации к началу общего наступления Донской армии, т. е. 19-22 сентября того года, приведем официальные данные Донской армии по этому вопросу к 1-му октября 1919 г.:

Мобилизация казаков Дона, с 19-го августа по 1-е октября 1919 г., дала:

	пеших	конных	артилл.	всего
1-й корпус	6586	2733	443	9762
2-й корпус	2628	565	146	3339
3-й корпус	4193	1222	114	5529
4-й корпус	—	—	—	—
Всего:	13407	4570	703	18630

Если сравнить достигнутые этой мобилизацией результаты с силами Добровольческой армии, увидим, что за пять недель в Донскую армию вновь поступило по мобилизации 18630 бойцов, тогда как вся Добровольческая армия, согласно данным Деникина, на 1-е октября того же 1919 г. состояла только из 20500 бойцов. Кроме этих войск Деникин имел в Киевской области 9 тысяч бойцов и на правом берегу Днепра

в общем 15 тыс., при чем в состав этих войск входили 2-я Терская пластунская казачья бригада и 42-й Донской и 2-й Лабинский конные полки (Деникин. Очерки, т. 5-й, 117 и 230 страницы).

Объективный исследователь должен признать, что, вообще говоря, план перехода в наступление Донской армии был разработан весьма искусно и что преодоление такой водной преграды, какой в действительности является река Дон, было проведено блестяще. Также направление корпуса Мамонтова против правого фланга и в тылы наиболее ослабленной предыдущими боями 8-й советской армии было задумано и осуществлено в полном соответствии со всей обстановкой на казачье - русском фронте во второй половине сентября 1919 г.

Одновременно с сильным ударом 4-м Донским корпусом по правому флангу и тылам 8-й советской армии, части 3-го Донского корпуса 19-22 сентября переправились на левый берег р. Дона в районе Гороховки, Н. Калитвы, Карабута и Семейки, нанося удары на стык 8-й и 9-й советских армий, в обхват левого фланга 8-й армии.

В то же время части того же 3-го Донского корпуса производили сильный натиск на 8-ю сов. армию у Лисок, Урыва и у Борщева...

Смелый охват флангов 8-й армии, казачьи удары на ее центральные дивизии и рейдирование 4-го Донского корпуса на ее тылах принудили эту армию уже 21-го сентября начать отступление на линию р. Икорец.

В этой первоначальной фазе общего наступления Донской армии особенно сильные, часто встречные, бои разыгрались между р. Подгорная и р. Осеред на левом берегу Дона. Некоторые населенные пункты в течение ряда дней по несколько раз переходили из рук в руки... Со стороны красных в этом районе весьма упорно дрались части 40-й (из состава 8-й армии), 36-й, 56-й и 14-й (последние три дивизии из состава 9-й сов. армии) красных дивизий. Казачьи части, хотя и несли значительные потери, все же принудили красные русские войска к отступлению, при чем 40-я дивизия, упорно обороняясь, постепенно отходила на север, а 56-я, 36-я и 14-я дивизии 9-й армии отходили на северо-восток и на восток...

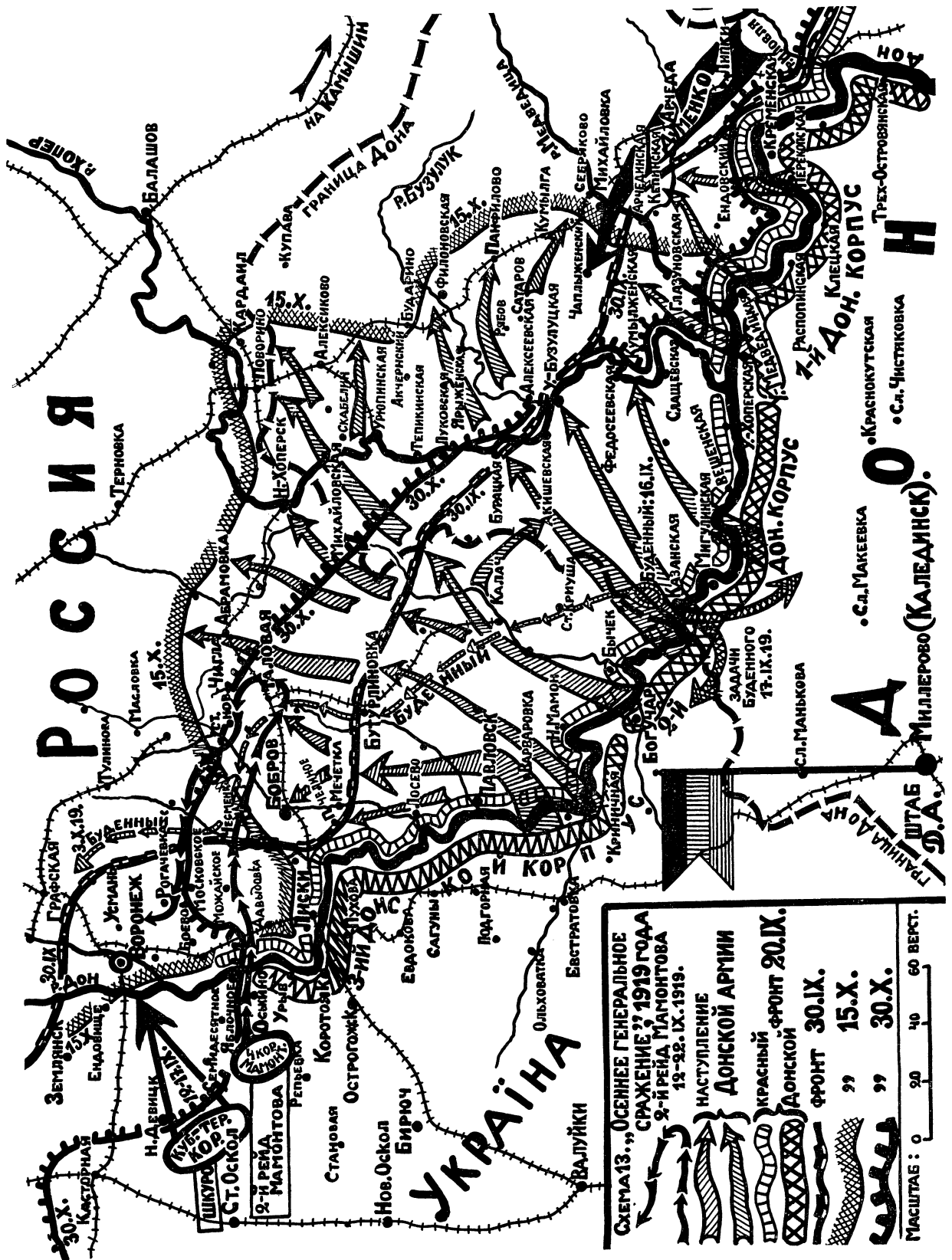
23-26-го сентября и части 2-го Донского корпуса переправились через р. Дон на фронте г. Богучар-станция Казанская, у Голиевки и Белой Горки, и шаг за шагом продвигались вперед, в общем направлении на северо-восток. И на фронте 2-го Донского корпуса красные дрались упорно и наносили казачьим частям иногда весьма значительные потери, но не могли остановить боевого порыва доблестных донских частей, стремившихся выгнать противника с Донской Земли.

Бои частей 3-го и 2-го Донских корпусов в районе г. Павловска, г. Калача, Криуши и т. д. иногда по необходимости принимали характер борьбы на уничтожение сил противника... Тем не менее командующий Юго-Восточным фронтом Шорин вынужден был 30-го сентября приказать 9-й сов. армии отойти на линию: устье р. Икорец - Бутурлиновка - Успенская-Тишанская - Кумылженская - Арчедин (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 315).

Красный главнокомандующий Каменев не согласился с этим распоряжением фронтового командования и 1-го октября приказал 9-й армии восстановить утраченное на р. Дону положение.

Однако под мощными ударами Донской кавалерии и гехоты 8-я сов. армия откатывалась все далее на север — к линии железной дороги г. Бобров-ст. Таловая, а 9-я сов. армия почти безостановочно отходила к р. Хопру, неся значительные потери пленными и в материальной части.

Казачи выбили красных из ст. Лисок, г. Павловска, сел Бутурлиновки, г. Калача и из целого ряда станиц, сел и хуторов между реками Доном и Хопром.

Обратимся теперь к событиям на фронте 1-го Донского корпуса, который, согласно директивам командующего Донской армией, данной 17-го сентября 1919 г., должен был выйти на фронт Арчеда-Усть-Бзузукская.

19-20 сентября в районе станиц Клецкой и Переконской части этого корпуса переправились на левый

берег. р. Дона и заняли хутора Дружилинский, Сарминский, Н. Затонский и Орловский, частью изрубив и частью взяв в плен 415-й и 416-й стрелковые красные полки и захватив 6-ть орудий...

23-24 сентября казаки переправились на левый берег р. Дона между устьями р. Медведицы и р. Хопра и захватили ряд хуторов между этими реками.

Почти одновременно совершена была переправа к востоку от станции Усть-Медведицкой, причем был уничтожен 177-й сов. полк и захвачено 800 пленных. 27-го сентября была занята ст. Н.-Александровская; 1-2 октября на правом берегу р. Медведицы были заняты станции Глазуновская, Скуришенская и Арчединская, но 3-го октября под ударами красных донцы очистили эти станции и отошли на южный берег р. Медведицы в район станции Кепинской.

Дело в том, что еще 27-го сентября командир 1-го Донского корпуса опасался наступать далее, ввиду пассивности Кавказской армии, остававшейся значительно позади вправо от этого корпуса. Вообще говоря, боевые операции на фронте соседней Кавказской армии имели весьма большое влияние на ход операций, как 1-го Донского корпуса, так и всей Донской армии, вновь перешедшей в решительное и весьма энергичное наступление против красных армий, захвативших значительную часть Донской Земли.

27-го сентября, очевидно, с целью сорвать успешно начавшееся наступление Донской армии, 10-я советская армия перешла в решительное наступление против Кавказской армии по всему фронту между р. Волгой и р. Доном (см. выше: «Героическая борьба Кавказской армии»). При этом конница красных под командой Думенко и Жлобы направилась из района станции Качалинской прямо на юг с целью выйти в тыл Кавказской армии.

28-29 сентября красная конница прорвала фронт Кавказской армии в районе хутора Вертячий и 29-го сентября, выйдя в глубокий тыл Кавказской армии, заняла станцию Карповка на линии железной дороги Царицын - Лихая.

Когда совершался этот рейд красной конницы на тылы Кавказской армии, командующий этой последней ген. Врангель 29 сентября имел важное совещание с командующим Донской армией ген. Сидориным на станции Чир. «Мы только что сели завтракать», повествует ген. Врангель, «как ген. Шатилов (нач. штаба Кавказской армии) вызвал меня к телеграфному аппарату (со станции Воропоново, что у Царицына). Он успел передать мне, что станция Карповка красными занята, как ток прервался» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 206-207).

Совещание Сидорина и Врангеля немедленно было прервано. Можно себе представить, какое впечатление на командующего Донской армией произвел этот весьма серьезный большевистский прорыв фронта Кавказской армии именно в то время, когда все четыре Донских корпуса перешли в наступление по всему фронту от гор. Воронежа до стыка с Кавказской армией сравнительно недалеко от гор. Царицына.

К тому же командующий Кавказской армией барон Врангель 30 сентября, т. е. на другой день после прерванного большевистским прорывом свидания его с ген. Сидориным, послал последнему нижеследующую телеграмму:

«Командарм Дон. Конница красных, занявшая вчера район хуторов Россошинский, Бабуркин, станцию Карповка, после упорного боя сегодня утром отсечена к хуторам Вертячий - Пашинский. Сегодня к вечеру в этом районе обнаружены все полки конного корпуса Думенко с многочисленной артиллерией и броневиками. Все попытки выбить противника из района Вертячий - Пашинский успехом не увенчались и положение на левом фланге армии остается серьезным. Намеченная Вами переброска двух конных бригад в район Трех-Островянской и угроза отсюда тылу неприятельской конницы чрезвычайно облегчила бы положение Кавказской армии. Прошу сообщить, к какому сроку могу рассчитывать на эту помощь. 30-9-19. Врангель.»

Кавказская армия, принужденная драться на три фронта, находилась в очень тяжелом положении. Кроме того, она была подорвана морально политической русскою «белого» движения, руководители которого дошли уже до того, что в сентябре, как мы знаем, объявили «экономическую блокаду Кубани»,

храбрые сыны которой составляли большинство бойцов Кавказской армии...

Вследствие такого положения дел на фронте этой армии, командующий Донской армией ген. Сидорин был лишен возможности продолжать наступление правым флангом своей армии, почему того же 30 сентября отдал приказ по Донской армии, ставивший ей такие задачи: 1-му корпусу держать р. Дон, 2-му — развивать достигнутый успех и конницу двинуть в северном направлении, 3-му корпусу — овладеть гор. Бобровым и продолжать движение на Таловую, а 4-му — разбить Буденного и двигаться на станцию Анну.

Как видим, задачи 1-го Донского корпуса, имевшего на своем правом фланге Кавказскую армию, сводились только к удержанию течения р. Дона. Это обстоятельство, понятно, имело весьма и весьма большое отрицательное влияние на весь дальнейший ход так прекрасно задуманного и блестяще начатого наступления Донской армии.

1-го октября усилиями славных частей Кавказской армии смелый налет красной конницы на тылы этой армии был ликвидирован (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 205-208).

Сковав у Царицына Кавказскую армию путем сильных нажимов на нее с юго-востока частями 11-й сов. армии (со стороны Черного Яра), и из-за Волги, а также с севера, главным образом, пехотой, советское командование сняло красную конницу Думенка с фронта Кавказской армии и перебросило ее сначала на фронт против 1-го Донского корпуса, а потом — и против 2-го.

Кавказская армия к 10-му октября вышла на линию Дубовка - хутор Шишкин, заняв таким образом фронт между Волгой и р. Доном верстах в 40-45 к северу от гор. Царицына.

Командующий этой армией, ген. Врангель, с начала октября занялся не руководством боевыми операциями, а весьма усиленной подготовкой военного переворота на Кубани. Кавказская армия далее к северу не продвигалась, хотя все объективные данные говорят за то, что это продвижение, так необходимое для обеспечения правого фланга перешедшей в наступление Донской армии, можно было осуществить, если бы командование Кавказской армией находилось в казачьих руках... В бою 27-го сентября того года пал смертью храбрых доблестный генер. Мамонов... Ген. Улагай «окончательно изнервничался» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 223)... Генералы же Врангель, Покровский и Науменко... митинговали в Екатеринодаре, подготавливая переворот.

Кавказская армия, оставаясь пассивной в районе Царицына, естественно, сковывала действия правого фланга Донской армии. Хорошо осведомленное о положении Кавказской армии большевистское командование получило полную свободу действий против Донской армии.

Выше мы говорили о том, что во второй половине сентября 1919 г. противоденикинское восстание охватило всю степную Украину и что в конце сентября и в начале октября Деникин весьма настойчиво требовал выделения боевых частей из состава Донской армии на внутренний фронт. И действительно в самый разгар начавшегося наступления Донской армии из ее состава была вырвана сводная бригада полк. Морозова и брошена к Азовскому морю.

Самый факт восстания населения Украины в глубоком тылу антибольшевистских армий морально обессиливал противобольшевистский фронт.

Между тем важное дело ликвидации 8-й сов. армии вступило в самую решительную фазу. Решался вопрос: или эта, уже охваченная казаками с трех сторон, армия будет совершенно выведена из строя, или же красному командованию удастся сохранить ее, усилить новыми пополнениями и снова сделать ее серьезным орудием на противоказачьем фронте.

23-го сентября донцы заняли станцию Лиски и к вечеру того же дня донские стрелки, двигаясь в на-

правлении на гор. Бобров, достигли уже ст. Сред. Икорец, захватив в плен начальника штаба советской дивизии. Как видно из оперативной сводки, 25-го сентября «стрелки, по грудь в воде переправившись через реку Икорец», повели внезапную атаку на красных у Николаевки.

Части 4-го Дон. корпуса, выступив 23-го сентября из Рогачевки, 24-го сент. выбили части 8-й сов. армии из селения В. Икорец и преследовали противника в направлении переправ через р. Битюг.

26-го сентября части корпуса Буденного появились у Чесменки, повисая на левом фланге частей 4-го Донского корпуса, наступавших в направлении гор. Боброва с северо-запада.

Это появление Корпуса Буденного на правом фланге 8-й сов. армии изменило в пользу красных соотношение сил противников в районе Воронеж-Бобров. Это обстоятельство, как уже было отмечено, выше, незамедлило учесть красное командование. Оно быстро привело в порядок части 8-й армии, пополнило их бойцами и боевыми припасами, наладило связь. Был отдан приказ командующему Юго - Восточным красным фронтом «оказать всемерное содействие 8-й армии в деле восстановления ее боевой мощи».

29-го сентября командующий Южным сов. фронтом отдал директиву, следующим образом определявшую задачи корпуса Буденного и 8-й армии:

«Противник продолжает развивать операции против Орла, Новосиля и Ельца и в районе Павловска. Последние данные разведки указывают на начавшееся движение неприятельской конницы из района Воронежа на север и северо-восток (возможно 3-го конного корпуса Шкуро).

Приказываю: 1) Комкору конного Буденному, с приданными ему кавчастями 8-й армии, разбить эту конницу противника и способствовать своими активными действиями 8-й армии при выполнении ею поставленной ниже задачи.

2) Командующему 8-й перейти в решительное наступление на всем фронте армии, в кратчайший срок выйти на линию р. Дона до Ендовище на севере включительно, приняв соответствующие меры по обеспечению своего левого фланга.

3) Комкору Буденному и командарму 8-й обратить особое внимание на поддержание непрерывной связи друг с другом.

4) О получении сего и сделанных распоряжений лонести. Нр. 10825/оп. Комфронт Егоров. Члены РВС Лашевич, Сталин. Начштаб Петин».

(Егоров. Разгром Деникина, стр. 181).

Так как сечение Ендовище находится на правом берегу р. Дона северо - западнее гор. Воронежа, осуществление выше приведенной директивы означало необходимость разгрома корпусов Шкуро и Мамонтова и вытеснение их из района этого города на западный берег реки Дона.

Что в действительности представляла из себя в то время эта казачья конная группа из двух корпусов?

4-й Донской корпус понес большие потери за время сентябрьских боев; кроме того, этот корпус был значительно ослаблен вследствие ухода казаков в отпуск. Как видно из официального донесения, «4-й отдельный конный корпус, по сведениям к 1-му октября, состоял и состоит из 9-й Донской дивизии, в которую входят 8, 11 и 12 конные бригады и 10-й Донской дивизии из 9-й и 13-й конных бригад. Бригады 9-й Донской дивизии за малочисленностью сведены были каждая в сводный полк с соответствующими номерами»...

Сверх того, в конце сентября командир корпуса ген. Мамонтов отбыл в тыл в связи с тем, что 1-го октября в Новочеркасске начиналась сессия Большого Войскового Круга и ген. Мамонтов собирался лично выступить на Круге с докладом о рейде на тылы красных армий Южного фронта.

Действовавший севернее 4-го корпуса, Кубано-Терский корпус ген. Шкуро был так же наполовину обессилен тем, что из его состава в самом начале октября Деникин взял Терскую дивизию и отправил

ее на борьбу с украинскими повстанцами (см. выше: «Казачи снова спасают Добармию»). Ген. Шкуро тоже уехал в тыл...

В начале октября 1919 г. Кубано-Терским корпусом временно командовал ген. Губин, а 4-м Донским, так же временно, ген. Секретев.

Согласно директиве командарм Дон ген. Сидорина 4-й Донской корпус должен был направиться из района Усмани (Собакино) - Рогачевки снова на тылы 8-й сов. армии в общем направлении на станцию Таоловую, находящуюся верстах в ста на юго-восток от гор. Воронежа. В то же время Кубано-Терский корпус растягивался на север, имея целью захват узловых станций Грязи, удаленной от г. Воронежа верст на сто в северо - восточном направлении...

Буденный, обходя г. Воронеж с востока, 2-3 октября главными своими силами поднялся в район Чебышевки и мог легко бить в разрез расходящихся направлений казачьих корпусов. Эту угрозу сразу почувствовал временно командующий Кубано-Терским корпусом ген. Губин, почему 2-го октября обратился к командующему Донской армией и к командующему Добровольческой армией ген. Май-Маевскому с настойчивой просьбой объединить в одних руках командование обоими казачьими корпусами «с целью разбить конницу красных в районе Орлово - Рождественское - Тулиново - Графская».

С этим предложением 3-го октября согласился командующий Донской армией и просил ген. Деникина а) «немедленно объединить конницу 3-го Кубано-Терского и 4-го Донского корпусов под начальством вридкомкора 4-го конного ген. Секретева» и б) «ограничить задачу этой конной группы лишь разгромом Буденного, не требуя занятия узла Грязи» (телеграмма нр. 0547/К).

Вместе с тем донское командование приостановило дальнейшее движение 4-го корпуса на юго-восток, уже сосредоточившегося в районе Московское-Кондрашино.

Вообще же и во всей Воронежской операции казачьей конницы так ярко проявились гибельные последствия пребывания высшего руководства боевыми операциями казачьих частей в руках русского командования: Деникина манил к себе малиновый звон московских колоколов и он тянул казаков на север; а ген. Сидорин тянул Воронежскую казачью группу войск на юго-восток...

Желание одновременно использовать казаков для русских и для казачьих целей весьма пагубно отразилось на судьбе Казачества и в то же время не принесло пользы русским.

Единая цель и единое командование давали большое преимущество «красной» России.

Теперь посмотрим, что представляли из себя объединенные силы конного корпуса Буденного и 8-й сов. армии, которым 29 сентября была поставлена задача — скорейшего выхода на р. Дон. Согласно большевистским данным к 27-му сентября эти силы заключались в следующем:

	шт.	саб.	оруд.
Корпус Буденного	590	7450	26
8-я армия	22500	373	200
Всего	23090	7823	226

(Егоров. Разгром Деникина, стр. 226)

Эта группа большевистских войск, хотя и входила в состав Южного советского фронта, но действовала исключительно против казаков. Кроме этой группы большевистских войск, казачья армии имели про- в себя весь Юго-Восточный сов. фронт под командованием Шорина. В состав этого фронта, как известно, входили 9-я, 10-я и 11-я русские армии. К 6-му октября в этих трех армиях было 60.000 штыков и 10.000 сабель (Егоров. Разгром Деникина, стр. 144).

Таким образом в начале октября 1919 г. на противоказачьем фронте, растянувшемся от г. Воронежа до г. Астрахани, «красная» Россия имела 83 тысячи штыков и около 18-ти тысяч сабель, или в общем свыше 100 тысяч бойцов.

Для сравнения отметим, какие силы имели большевики на фронте войск Деникина. Согласно тем же большевистским данным, 6-го октября 1919 г. на фронте против Добармии красные имели:

13-ю арм.	24.935 штык.	1053 сабель
14-ю арм.	17.778 штык.	3429 сабель
Всего	42.713 штык.	4482 сабель

12-я сов. армия, действовавшая тогда против Польши на фронте Паричи-Мозырь-Житомир и против войск Деникина Киевской области на фронте Фастов-Чернигов-Сосница, насчитывала 35 тысяч штыков и 1188 сабель. Согласно данным Деникина, из состава 12-й сов. армии против войск Киевской обл. действовало до 25 тысяч (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 230).

Таким образом в 12-й, 14-й и 13-й красных армиях на фронте Деникина действовало тогда в общем около 72 тысяч бойцов.

Как видим, в начале октября 1919 г. «красная» Россия на противоказачьем фронте имела свыше 100 тысяч бойцов, а против Деникина около 70 тысяч бойцов. Хотя эти данные, как и вообще все данные о численном составе войск на тех или иных фронтах войны 1918-1920 годов, и не могут считаться за точные, но все же они дают общее представление о силах противников.

Возвратимся теперь к общему рассмотрению боя на левом фланге казачьего фронта.

На участок фронта Графская-Бобров большевистское командование направило корпус Буденного и 12-ю, 15-ю, 16-ю и 33-ю дивизии из состава 8-й сов. армии, что представляло силу около 20-ти тысяч бойцов.

Против этих красных сил действовали ослабленные конные корпуса Шкуро и Мамонтова и левофланговые части 3-го Донского корпуса. Остальные части 3-го Донкорпуса действовали с юга против 40-й и 13-й дивизий 8-й сов. армии.

Хотя казачьи части весьма упорно дрались и умело маневрировали у Юдановки, Козакско, Можайского, Запрудского, Масальского, Московского, Рогачевского, Рогачевки, Усмани (Собакино) и т. д., но все же принуждены были сдавать под напором явно превосходных сил противника. Во время этих боев ослабленные силы 4-го Донкорпуса должны были помогать корпусу Шкуро, который согласно требованиям Деникина тянул на север, и в то же время тот же 4-й корпус должен был помогать и левофланговым частям 3-го Донкорпуса, защищавшим фронт по среднему и нижнему течению р. Икорец — против Давыдовки и Лисок. Вследствие этого силы 4-го корпуса расбрасывались на большом фронте. Так, например, 2-го октября главные силы корпуса были в районе Рогачевки, имея по полку (бывшие бригады) в Масальском и Усмани (Собакино), т. е. фронт численно слабого корпуса был растянут свыше чем на 50 верст. 3-го октября 4-й корпус дерется к северо-востоку от Усман-Собакино, в тот же день части его ведут бой у Казаково-Бриллиантовки, и в тот же таки день бросаются в сторону Ср. Икорца «для уничтожения Лискинской группы красных». Иначе говоря, 4-й Донкорпус рассыпается на фронте протяжением около 70 верст...

Неразумная стратегия Деникина расбросала силы Кубано-Терского и 4-го Донского корпусов, ослабленные уводом Терской дивизии против Махно, на огромном пространстве от Воронежа до г. Землянская, Графской, Рогачевки и Можайского. Хотя казаки и храбро дрались и весьма часто в отдельных рай-

онах наносили красным жестокие удары, но не могли удерживать такой обширный район.

Русские генералы вели явно безумную игру с казачьими вооруженными силами: 1 октября большевики ворвались в Киев; Деникин подтягивает к Киеву 2-ю Терскую пластунскую бригаду, а 42 Донской и 2-й Лабинский казачьи полки продолжает направлять против украинцев.

29-го сентября красная конница Думенко прорвалась в тыл Кавказской армии; Донская армия, неся большие потери, героически наступала на север и на северо-восток на большом фронте между р. Доном и р. Хопром; 3-й Кубано-Терский корпус Шкуро сражался в районе Воронежа, а в это время из штаба Деникина несутся грозные требования вырвать из состава этого Корпуса Терскую дивизию для спасения штаба Деникина в Таганроге...

И в то самое время, когда корпус Буденного и 8-я сов. армия систематически и сильно нажимали на фронте Воронеж — Лиски, из штаба Деникина несется один приказ грознее другого — во что бы то ни стало выхватить с антибольшевистского фронта крепкую и доблестную казачью дивизию... Получалась ужасная картина: красный командующий Южным фронтом полк. Егоров 29 сентября приказал «в кратчайший срок» взять гор. Воронеж, а белый командующий Южным антибольшевистским фронтом ген. Деникин как-бы облегчает эту задачу...

Если нужно было защищаться от войск Махно, разве нельзя было взять с противно-украинского фронта 42-й Донской и 2-й Лабинский полки, а также 2-ю Терскую пластунскую бригаду?...

Несмотря на то, что морально придавленная Кавказская армия оставалась в районе Царицына, удерживая у устьев р. Иловли правый фланг 1-го Донского корпуса; несмотря на то, что из центра Донской армии Деникин взял сводную конную бригаду полк. Морозова, а из Воронежского района увел в тыл целую казачью дивизию, — правый фланг 3-го Донкорпуса и весь 2-й Донской корпус почти безостановочно продвигались вперед и 7-8 октября вышли на линию железной дороги Бобров-Таловая, а также переправились на восточный берег р. Хопра.

Так как части 3-го Донского корпуса с юга, юго-востока и с востока теперь подходили уже к самому гор. Боброву, а гор. Воронеж все еще находился в руках казаков, 8-я сов. армия попадала как-бы в мешок. «Получался весьма узкий клин с очень узким основанием», говорит быв. командующий Южным красным фронтом полк. Егоров, и «малейшая неудача на правом фланге всей (8-й) армии грозила полнейшей катастрофой. Командующий вынужден был приказывать командарму 8 снять все армейские резервы и направить их на правый фланг. Следует отметить всю опасность этого мероприятия по приведенным нами выше соображениям; но фронтовое командование опиралось во-первых на крепость и устойчивость корпуса Буденного, который к этому времени подходил на 10-15 километров к Воронежу, а во-вторых на ослабление Добровольческой армии в целом и в частности на Воронежском направлении, что вызывалось оттяжкой части белых для борьбы с восстаниями в тылу. Оба эти обстоятельства обуславливали директиву командарму от 6-го октября нр. 11045/оп., в которой последний требовал от корпуса Буденного не втягиваться в позиционное расположение и действовать совместно с частями 8-й армии, чтобы в кратчайший срок овладеть Воронежем, после чего ожидался стремительный маневр на направление Капостная-Курск» (Егоров. Разгром Деникина, стр. 183).

И действительно, как говорит оперативная сводка Донской армии за 6-е октября, «6 октября противник обрушился по всему Воронежскому фронту большими массами конницы; в результате упорных боев наша конная группа отошла на фронт Масловка-Придача-ст. Отрожка; нами потеряны 3 орудия, больше 10 пулеметов, бронепоезд ген. Гусельщиков».

Сопоставляя факты, видим, что 4-го октября 1-я Терская дивизия фактически ушла с Воронежского фронта в тыл (находилась в пути на Лиски и далее), а 6-го октября оставшись под гор. Воронежом казаки несут серьезное поражение от явно превосходных сил противника, оставляя в его руках орудия и пулеметы; вообще же оттяжка 1-й Терской дивизии в тыл явилась весьма важным поворотным пунктом в боях за обладание Воронежем...

Донское командование теперь уже, кажется понимало, насколько гибельной для Казачества в действительности являлась политика русских генералов, захвативших в свои руки высшее руководство антибольшевицкими вооруженными силами. Очевидно, не случайным было то, что Донское командование к 5-му октября подвело итоги наступления Донской армии, которые представляются в следующем виде:

«В результате перехода Донской армии в наступление с 22-го сентября взято до 20-ти тысяч пленнх, 62 орудия, более 100 только зарегистрированных пулеметов. Уничтожена 14-я дивизия красных, почти окончательно разбиты 36 и 56, расстроено две бригады 38-й, бригаду 21-й, уничтожено бригаду 40-й, расстроено 20-ю, 32-ю и 39-ю дивизии. вызвана оттяжка конных корпусов Буденного и Думенко. Армия вновь захватила в свои руки инициативу, которую противник опять пытается вырвать, обозначив новый нажим на фланги армии — к северу от Кременской и в Лискинском районе...

Вся глубина гибельности для Казачества русской политики Деникина нашла свое яркое отражение в нижеследующей телеграмме. ген. Сидорина на имя ген. Деникина:

«Срочно. Секретно. Таганрог. Главному.

По долгу службы не имея в виду иной цели, как пользу общего дела, считаю себя нравственно обязанным доложить о следующем:

Еще полтора месяца тому назад я, обрисовывая общую обстановку на фронте Кавказской и Донской армий, докладывал о весьма серьезном значении Приволжского фронта и крайнем напряжении Советского командования для достижения решительного успеха между Волгой и Доном. При ослабленном состоянии Кавказской армии трудно было дать решительный отпор и на Донском фронте. Пришлось принять решение: ценою потери трети Области, предоставленной разорению, оторваться от противника, отойти за р. Дон и под его прикрытием собрать последний резерв, призвав в армию казаков - стариков и неказачье население.

Эти меры дали возможность в 20-х числах сентября перейти в решительное наступление на всем Донском фронте, вывав инициативу у противника. Для успеха операций я вынужден был пустить в дело все наличные силы, не оставив резервов, кроме Тульской бригады, нуждавшейся в приведении в порядок. Главные задачи Донской армии — ликвидация Лискинской группы противника и удар на Поворинско-Балашовском направлении уже близки были к разрешению, но **начавшиеся осложнения в тылу фронта** вооруженных сил Юга России **стразились на операциях и Донского фронта**. Постепенное ослабление последнего путем вывода из боевой линии частей (Сводной бригады полк. Морозова из конной группы ген. Коновалова и Терской дивизии) уже урезало порыв Донского фронта в развитии достигнутого успеха: 1-й корпус, притянув на себя значительную часть Царицынской группы противника с конным корпусом Думенко, вынужден перейти к обороне, отходя за Дон; приостанавливается в своем движении и 3-й корпус, лишившись поддержки 4-го корпуса, потянутого на усиление нашей Воронежской группы; и только на фронте 2-го корпуса продолжается операция в духе моей основной директивы.

В мои расчеты входило, закончив пополнение, снабдив обмундированием и оружием, выдвинуть в

боевую линию Тульскую бригаду и с ее помощью закончить ликвидацию Лискинской группы, расширив фронт 3-го корпуса, что, в свою очередь, могло бы освободить для маневрирования конницу 2-го и 4-го корпусов. Этих средств я лишуюсь и, вместе с тем, вынужден приказать ген. Шкуро, не связывая себя удержанием Воронежа, и не допускать форсирования противником Дона на стыке Донской и Добрармии, откуда конница противника, действующая сейчас в районе Воронежа, может повести более глубокую операцию с самыми серьезными для нас последствиями.

Таким образом, использовав все возможные средства и добившись было успеха, я **вынужден на Донском фронте, на большей части его протяжения, перейти к обороне, передавая инициативу в руки противника.**

Оставаясь убежденным, что борьба с Советской Россией может быть разрешена только разгромом Приволжской группы ее Южного фронта, считаю необходимым:

1. Дать возможность Кавармии перейти в решительное наступление на север, усилив ее необходимыми средствами.

2. Помочь Добрармии, вернув возможно скорее Тульскую бригаду и конницу к ее корпусам (бригаду Морозова и Терцев), при каких условиях смогу добиться решительного успеха, используя конницу большими массами и имея в постоянных соединениях для действий по тылам Приволжской группы противника.

3. Отказаться временно от движения на север на фронте Добрармии, образовав за этот счет достаточный резерв за ее правым флангом, дабы решительно парализовать возможность попытки противника к глубоким операциям на стыке Дон и Добрармий.

Донося изложенное, прошу о решении Вашем меня уведомить. Снова прошу оставить в моем распоряжении Тульскую бригаду.

Калединск. 7-го октября 1919 г. 24 часа. Нр. 6604/К. Генерал Сидорин».

Чтобы дать возможность Кавказской, по существу Кубанской, армии перейти в решительное наступление, надо было немедленно создать отдельную Кубанскую армию, поставив во главе ее настоящих кубанских офицеров; надо было настойчиво и последовательно проводить в жизнь постановления выразителя воли населения Кубани — Кубанской Краевой Рады — по вопросам государственной, национальной, экономической, аграрной и социальной политики. Значит, надо было отказаться от борьбы за неделимую Россию, отказаться совсем от «похода на Москву»; надо было укреплять государственную самостоятельность Казачьих Республик; надо было немедленно организовать Союз Дона, Кубани и Терека, создать единое руководство казачьими вооруженными силами; надо было немедленно прекратить войну против Украины и против народов Кавказа...

Мог ли ген. Деникин и все сонмище возглавляемых им русских людей стать на **Казачий путь** борьбы? Могли ли русские люди, оставаясь русскими, отказаться от борьбы за неделимую Россию?

На казачий путь русские не стали и от борьбы за Россию отказались не смогли. В то же время **не отказались и от вредительства казачьему освободительному движению...**

Между тем на всем Южном антибольшевицком фронте **создалось грозное положение**. 7-го октября большевики отобрали у Деникина гор. Орел и сильно нажимали на г. Курск...

Для русского «белого» движения вновь наступили весьма критические дни.

Потеря г. Орла и выше приведенная телеграмма ген. Сидорина должны были заставить Деникина и его штаб глубоко задуматься над создавшимся положением и сделать соответствующие выводы.

Что же мы видим в действительности. 8-го октября ген. Врангель прибыл в Таганрог и посетил штаб Деникина. «В оперативном отделении видел я

нескольких молодых офицеров генерального штаба, старых моих знакомых, и убедился, что непрочность нашего стратегического положения им в полной мере ясна», повествует Врангель. «Некоторые из них обращались ко мне с просьбой «обратить внимание Главнокомандующего», «повлиять на Главнокомандующего»... Видно было, что вера в высшее командование среди ближайших сотрудников в значительной мере поколеблена» (Врангель. Записки, т. 1-й стр. 215).

Однако, если верить сообщению Врангеля, сам Деникин находил, что «общее наше стратегическое положение было блестящим... Восстанию разбойника Махно в тылу Деникина также серьезного значения не придавал» (там же). И в тот же день на совещании генералов Деникина и Врангеля было решено военной силой заставить Кубань пойти по русской дороге (см. далее: «Но бреський переворот на Кубани»).

На другой день, 9-го октября, Деникин послал следующий ответ на выше приведенную телеграмму ен. Сидорина:

«Командарм Дон, копия Донскому Атаману.

Нр. 0604/К. Ту самую бригаду можете оставить в своем распоряжении. Из Вашей телеграммы Нр. 004/К вижу, что хорошие уроки и прошлый опыт быстро забываются (намек на переписку, приведенную, в части, нами в разделе: «Русское командование и Донская армия»). Я бы не хотел Вам их напоминать, но Ваша телеграмма меня к этому вынуждает.

Вы вините Кавказскую армию в том, что Вам пришлось потерять треть Донской области, меня в том, что ослаблен прорыв Донского фронта. Но (Вы) забыли, что в свое время вся территория Дона была освобождена и Донская армия возрождена, главным образом, Кавказской и Добровольческой армиями. Кавказская армия и ослабленная все время надежно обеспечивала Ваши операции, поставив неодолимую преграду всем стремлениям советского командования вновь овладеть Царицыном и прорваться на Юг. Добровольческая армия не только все время двигалась вперед Донской, тем привлекая на себя главные удары противника, но и ликвидировала прорывы на Донском фронте и постепенно занимала участки Донского фронта и выделила Корпус для помощи Донской армии.

Вы спорите из-за конной бригады, взятой для выполнения общей задачи, упуская из вида, что она многократно компенсирована хорошей дивизией, работающей на Вашем фронте.

С сожалением должен убедиться, что зачастую объединение командования понимается только в порядке помощи Вашему фронту.

Разгром Приволжской группы противника, о которой Вы пишете и которая в значительной степени уже потрепана, должен быть произведен, для этого с Вас снято Елецкое направление и армия усилена Кавказской дивизией, а бригада Морозова будет возвращена немедленно по ликвидации Махно.

Нр. 03941. Таганрог. 9 октября 1919 г. Генерал Деникин».

В этой телеграмме Деникина не соответствует действительности, во-первых, утверждение, что будто бы «территория Дона была освобождена и Донская армия возрождена» Добровольческой армией. Мы хорошо знаем, какую скромную роль играла дивизия-корпус ген. Май Маевского, зимою и весною 1919 г. действовавшая (ший) в западной части Донецкого бассейна; знаем и то, что эту дивизию-корпус именно казаки не раз спасали весною 1919 г. от полного уничтожения (см. соответствующие места во 2-й части «Трагедии Казачества»); знаем и то, как легко и быстро разлетелась деникинская Крымско-Азовская армия зимою 1919 г. Знаем хорошо и о том, благодаря кому большевики армии были выброшены за пределы Дона весною того ж 1919 г.

Утверждение Деникина, что Добровольческая армия принимала будто бы на себя главные удары противника, так же решительно не соответствует действительности, так как ударные группы русских войск, состоявшие из единоплеменников Деникина и руководимые коллегами Деникина по академии генерального

штаба — Селивачевым, Шориным, Егорьевым и другими, как мы хорошо знаем, в августе-сентябре 1919 г. наносили удары именно по казачьим армиям — Донской и Кавказской. Даже 18-го сентября 1919 г. главнокомандующий Юго-Восточным фронтом Шорину, что «центр тяжести операции против Деникина лежит на Вас»...

Так же не соответствует действительности и утверждение Деникина, что Добровольческая армия «ликвидировала прорыв на Донском фронте», так как в действительности августовский прорыв красных группы генерала Селивачева был ликвидирован Кубано-Терским корпусом и частями 3-го Донского корпуса при содействии 4-го Донского корпуса Мамонтова, разгромившего тылы Южного советского фронта.

Надо ли говорить о том, что утверждение Деникина о выдвижении Добровольческого корпуса «для помощи Донской армии» тоже не соответствует действительности, так как в сентябре в Воронежский район был выдвинут 3-й Кубано-Терский казачий корпус, в начале октября решительно обесцененный уводом Терской дивизии против Махно...

10-го октября командующий Донской армией послал ген. Деникину нижеследующий ответ:

«Таганрог. Главному, копия Донскому Атаману. Новочеркасск.

На Нр. 03941. В телеграмме 0604/К я позволил себе высказать Вам, как Главнокомандующему, свой взгляд в связи с общей обстановкой и хорошо Вам известным планом красных на значение не только Донского, но всего правого фланга Южного фронта.

Считая это не только своим правом, но и обязанностью, я был далек от мысли заняться теми мелочными счетами, а тем более спором, которые Вы приписываете мне в своей телеграмме.

Придавая особо важное значение правому флангу всего фронта, я, конечно, не мог не доложить о том, что его следует усилить, а не ослабить, последнее совершенно не вяжется с мыслью о том, чтобы под единым командованием я разумел инстанцию, к которой надлежит обращаться за помощью.

Вновь внимательно перечитывая свою телеграмму, я увидел с полным удовлетворением — что никакой оценки деятельности соседних армий я в ней не делал, а тем более в том виде, как это мне приписывается. Нет в ней и намека на то, что благодаря Кавказской армии оставлена треть Донской области. Указание же на слабость ее и на необходимость усиления есть следствие той обстановки, которая сложилась на всем фронте от Волги до Воронежа. Судя по телеграмме командующего Кавказской армией им обстановка эта понимается так же, как и мною.

Моему ходатайству вернуть возможно скорее с внутреннего фронта Терскую дивизию, Сводную и Тульскую бригады, а также, по возможности, усилить правый фланг Доброймири придано значение каких то мелких счетов и узких интересов Донской армии в то время, как я имею в виду, указывая примеры, цели и гораздо более глубокие и гораздо более важные для всего Юга России.

Неожиданность Вашего ответа на мое искреннее желание доложить Вам свой взгляд на общую обстановку заставляет меня в будущем от этого воздержаться.

10 октября 19 г. Нр. 0634/К Гор. Калединск. Ген. Сидоринъ».

Пока генералы Деникин и Врангель организовывали заговор против Кубани, пока Деникин вел словесный бой с командующим Донской армией, конный корпус Буденного и 8-я красная армия все сильнее и сильнее производили нажим на фронте Воронеж-Лиски, осуществляя директиву командующего о выходе на р. Дон на этом фронте.

После ожесточенных боев Воронежская конная казачья группа 8-го октября отошла на фронт Боево-Тавровский-Масловка, а соседние левофланговые части 3-го Донкорпуса — на линию Давыдовка-Голешовский (севернее ст. Лиски).

Под натиском Буденного в ночь под 11-е октября казаки оставили г. Воронеж и отступили на западный берег р. Дона.

Следует подчеркнуть, что, согласно официальным данным, во время оставления казаками гор. Воронежа в конной группе ген. Шкуро, состоявшей тогда, как известно, из 1-й Кавказской — Кубанской дивизии и 4-го Донкорпуса, было всего 4 тысячи коней.

Отметим также и то, что бывший командующий Южным сов. фронтом Егоров о Воронежской операции говорит следующее: ...«Заняв Воронеж и отбросив корпус Шкуро и Мамонтова на запад от Дона, корпус Буденного, несмотря на грандиозный моральный эффект этого обстоятельства, **все же не достиг главного:** оба корпуса белых понесли тяжелые потери, получили весьма ощутительный удар, **но не были разбиты,**

чем главным образом и объясняется медленное продвижение вперед конного корпуса в полседующие дни» (цитир. выше работа Егорова, стр. 188).

Еще два дня шли ожесточенные и упорные бои на подступах к станции Лиски, но 12-го октября «в Лискинском районе наши части, после упорного боя в течение целого дня, **отошли на правый берег р. Дона** и заняли позицию от устья р. Икорец до р. Урыв, удерживая переправы за собою», говорит оперативная сводка.

Таким образом этот весьма важный железнодорожный узел снова попал в руки советских войск. Весь левый берег р. Дона от района Воронежа до района Лисок был снова в руках красных.

(Продолжение следует)

Николай Посохов

Пути предков

(Продолжение).

Казаки быстро продвигались вперед, освобождая свои станицы. Вот они уже освободили Кубань и вошли в Ставропольскую губернию. Однажды Джигит, находясь с сотней в Калиновке, был помещен в доме зажиточного крестьянина. В горнице, где он расположился, он увидел на стене фоторафии стариков в черкесах и, заинтересовавшись, спросил у хозяина:

— А это что за казаки у вас?

— А это мой дед и прадед. Ведь мы тоже были казаками. Это, вишь, царю захотелось сделать нас мужиками. Да хочь нас и называли крестьянами, а область — губернией, а мы все-таки не забыли, что мы казаки и я храню эти портреты; только, когда были товарищи, я их прятал в сундук, потому что солдаты не уважают казачьего духу.

Лицо говорившего озарилось гордостью.

«А то правда, хороший был бы с него козарлюга», подумал Джигит, окидывая глазами его плотную и стройную фигуру и сильные рабочие руки.

.....

Холодные и снежные зимы в Ставропольской степи. Зима же 1919 года, казалось, хотела превзойти своей лютостью даже ужасы братоубийственной, завоевательной войны против казаков, поднявшихся, как один, на защиту своих вековых прав и традиций. Свободолюбивый народ, сохранивший в своем жизненном быту и в своей душе чистыми высокие рыцарские принципы, освободившись от векового гнета поработителей, ставших, по праву сильного, почти полноправными хозяевами в свободных когда-то казачьих землях, не мог примириться с новыми насильниками — завоевателями, посягавшими на все устои казачьей жизни, могучими корнями вросшие в казачье народное сознание. По той активности, с которой помогали казакам многие села Ставропольской губернии, крестьяне которых были когда-то вольными казаками, можно было судить о пробуждении казачьего сознания в Ставропольских крестьянах, не забывших старых вольно — казачьих заветов. Пробуждалась жажда свободы, но не той русской необузданной, какую несли красные завоеватели на остриях своих штыков, а истинной казачьей свободы, которую казаки издревле носили в своих душах и которая из пепла веков возродилась и засияла яркой звездой, маня к себе и другие народы согреться ее лучами. Но не все могли распознать тогда подделность русской красной свободы и многие слепо пошли за заманчивыми лозунгами, которые на деле оказались мыльными пузырями, под которыми скрывалось грубое насилие не только над свободной личностью, но также и насилие над душой целых народов.

Особенно свиреп был в ту зиму декабрь. Снег

выше колен, затруднявший передвижение верхом. Да и лошади от непрерывного похода и недоедания сильно ослабли.

Въ одну из таких морозных ночей Джигит с дивизионом занимал сторожевое охранение, выдвинувшись далеко впереди села Медвецкого, в котором отдыхали резервы и был штаб дивизии. Заняв довольно длинную линию рядом сторожевых застав и постов, казаки зарылись в снег, устроив себе нечто вроде окопов.

Холодно в открытой степи. Мерзнут ноги. Чтобы покурить, казаки ложатся плашмя в окопах.

Чтобы немного согреться, Джигит ходит от одного поста к другому и от заставы к заставе, прислушиваясь к казачьим разговорам. На одном посту казак спросил его:

— Правда, господин сотник, что нас должна сменить пехота? Говорят, что и квартирьеров от солдат выдали уже в штабе дивизии?

— Не знаю, — ответил Джигит. — А кто это вам рассказывал? — спросил он в свою очередь казак. — Если телефонисты, то может-быть и правда, они всегда больше знают и все узнают раньше, — добавил он. — А я пока ничего не слыхал про пехоту. Вот только сотник Пшеничный, который приехал вчера после выздоровления в полк, рассказывал мне, что, когда он приехал ночью в штаб дивизии, то ему дежурный офицер поспешил передать, что в штаб дивизии ночью пришли семь человек красных солдат и просили позвать дежурного офицера, так как они хотят сдать и сдать свои винтовки и патроны. Они прошли через все охранения, через все село и ни одна собака, ни один патруль не задержал их. Возможно, что этих «квартирьеров» и видели в штабе дивизии.

— Хай ййй бис, с такою пехотой, — засмеялся старый казак, борода и усы которого представляли ледяную сосульку, блестящую при лунном свете.

К рассвету потянуло неприятной сыростью и день начался густым туманом, который так часто бывает в Ставропольской степи и из-за которого в четырех шагах ничего не видно. В этот месяц туман почти бывал каждый день с утра и только к обеду рассеивался.

Толки казаков о смене были не напрасны. Пришедшие новые сотни для смены дивизиона подтвердили слухи и Джигит получил распоряжение расположиться по квартирам в селе Медвецком.

Днем видели, как прошли два батальона добровольческой пехоты по направлению села Шишкино. Среди этой пехоты Джигит встретил многих своих станичников пластунов. Пехота прошла через село и говорили, что она пошла в наступление. Правда, пе-

ред вечером был слышен артиллерийский бой впереди, но к ночи все стихло.

Отдых Джигита оказался коротким. Перед рассветом он был пробужден оживленной артиллерийской и ружейной перестрелкой на фронте, где должна была быть пехота. Перестрелка приближалась.

Нестроив свой дивизион, Джигит прибыл с ним на сборный пункт и сейчас же получил приказание от командира полка выдвинуться в степь с одной сотней и пулемотом по направлению села Падинки, оставив другую сотню в резерве. Командир добавил, что вперед были уже посланы раз'езды в этом направлении, но донесения еще не получены. Задача Джигита состояла в том, чтобы спешно выяснить обстановку и донести, стараясь одновременно задержать противника. Раз'езды, которые были посланы раньше и которые он встретит, командир полка приказал объединить под свое командование.

Выдвинувшись по глубокому снегу из котловины, в которой лежало село Медвецкое, Джигит начал продвигаться по степи. Туман рассеялся и лучи солнца осветили неожиданную картину: на громадном просторе, от села Шишкино и Елизаветинского, четырьмя густыми цепями спокойно наступала красная пехота, так называемый — «железный корпус» Жлобы. Пехота, вчера только прошедшая вперед, откатывалась назад к селу Медвецкому. Вдали, в конце глубокого оврага, тянувшегося к селу Падинка, Джигит увидел казачий раз'езд. Желая скорее получить сведения от разведки, Джигит поскакал к этому раз'езду, но отъехав порядочное расстояние и увидя, что овраг непроходим, наступление же противника продолжается, он послал востового с распоряжением: пулемотом отстреливаясь отходить к главному пути. Сам же спешно направился к раз'езду. Но каково же было его смущение и огорчение, когда он, приблизившись к раз'езду, который принял за казачий (всадники были одеты в черески) оказался перед раз'ездом красным, казаки которого, бросившись на него, его обезоружили.

Это был раз'езд дивизии Сорокина, который охранял густой завесой конной лавы фланг красной пехоты.

Джигит понял свою ошибку, но было поздно. В раз'езде оказалось три казака, которые знали его по полку Великой войны.

— Товаришу сотник, не бейтесь, вам ничего не будет, мы пленных не убиваем.

Когда находившиеся в раз'езде русские солдаты хотели раздеть и разуть Джигита, казаки разрешили только переменить шубу на шинель и отобрать оружие. И лошадь дали другую, более худшую.

Казаки решили сами конвоировать Джигита к начальнику дивизии Сорокину. При проходе через пехотные цепи, красные солдаты хотели учинить самосуд, но казаки отстояли. Проезжая по фронту лавы, Джигита узнали еще некоторые казаки, бывшие его соратники.

Сорокина на предполагаемом месте не оказалось, он был на крайнем фланге. Казаки доставили пленника в село Падинка, где находился штаб дивизии, а т. к. Сорокин со всем штабом был на позиции, то они поместили его в сельском карцере под охрану солдат, обещая, как только увидят Сорокина, доложить о пленнике.

По дороге к карцеру, проходя через двор священника, где был штаб дивизии, на крыльце флигеля Джигит увидел девушку с интеллигентным умным лицом, которая глубокими печальными глазами смотрела на Джигита и, проводив его взглядом, еще долго задумчиво глядела ему вслед. До нее уже дошла весть, что в село привели пленного казачьего офицера.

Бросившись на деревянные голые нары сельского карцера, Джигит долго лежал лицом кверху, заложив руки за голову, неподвижно и, казалось, без мысли...

О, нет, мысли были в голове, но они бродили как-то обрывками, без всякой связи. Одно только с неумолимой ясностью, назойливо вертелось в голове Джигита; значит — конец всему. Джигиту не было страшно, но закрадывалось любопытство — как все это про-

изойдет? Выстрелят ему в затылок как, рассказывали, обыкновенно делали комиссары коммунисты в чрезвычайках, или же поставят перед взводом солдат и расстреляют, как и его отца?

Неизвестно сколько времени пролежал он так. Он даже не слышал разговоров солдат, охранявших его и сидевших в сенях карцера. Вывели его из оцепенения только громкие крики и площадная брань многих голосов, споривших с солдатами часовыми и что-то требовавшими. Прислушавшись, Джигит услышал и понял, что толпа требовала для расправы белопогонника офицера и кровопийцу, а солдаты отказывали, говоря, что начальство само разберет. Вся эта толпа состояла из обозных солдат, которым хотелось расправиться с пленником поскорее.

Пользуясь тем, что часовых было мало, толпа ворвалась в карцер. На Джигита посыпались удары... Сильный мужик с винным перегаром, шедшим изо рта, схватил за горло пленника и со всего размаха ударил его головой о стену, остальные наносили удары, кто куда мог. Пленник потерял сознание. Только теснота карцера спасла Джигита. Передние солдаты, приняв его за мертвого, объявили, что уже покончили. Раздев его до белья, толпа оставила карцер. Было темно, когда Джигит пришел в себя. Все тело ныло от тупой боли. В голове шумело.

Проведя рукой по лицу, он почувствовал сильную боль. На пальцах рук осталась какая-то слизь. Вспомнив пережитое, Джигит догадался, что это была кровь. Несмотря на то, что он был в одном белье и босиком, Джигит не чувствовал холода. Стараясь ни о чем не думать, он пробовал закрыть глаза и забыться. На сельской колокольне пробило 12 раз.

Кошмарно долго тянулась эта ночь для Джигита. Иногда на площади слышались одинокие выстрелы. Солдаты говорили, что это Сорокин добывает раненых белых.

Действительно, Сорокин вернулся с позиции, но он не занимался добыванием раненных. Утомленный за день боя, он проехал прямо в штаб дивизии и, дав необходимые распоряжения, вошел во флигель, где была его квартира. Только что Сорокин успел заснуть, как в дверь постучали.

— Кто там? — спросил он.

— Это я, послышался женский голос.

— А, Надя, войди. Что так поздно? Почему не спишь?

— Я тебя ждала, ответила вошедшая.

Это была дочь священника, с которой у Сорокина завязался роман...

— Я рад, сказал Сорокин. — Значит ты простила все, не сердилась?

— Нет, я согласна на все, но только ты обещаешь исполнить мою просьбу.

— Говори, что я должен сделать?

— Слушай, начала девушка, — сегодня сюда привели пленного казачьего офицера. Я слышала, что солдаты хотят его убить. Как не стыдно расправляться с беззащитными людьми! Неужели ты допустишь это?

— Слушай, Надя, ты знаешь, что я казак, а казаки с безоружными не воюют. Я этого офицера еще не видел, хотя мне уже говорили казаки моей дивизии, что знают его, как хорошего офицера, никогда не делавшего зла казакам. Завтра я разберу это дело и обещаю тебе, что не допущу несправливости. Будь спокойна, а пока я хочу немного отдохнуть, до утра осталось немного. Завтра работы будет много, сегодня у нас на всех фронтах успех. Иди, родная, завтра я буду у тебя.

Поцеловав девушку, он проводил ее до дверей и, вернувшись к дивану, лег и сейчас же уснул...

В карцере стало светло. Джигит, не смыкавший глаз всю ночь, решил, что с наступлением дня начнутся для него новые мучения, а может быть и конец и мысленно все свои помыслы обратил к Всевышнему и Его Сыну, Который пришел на землю, чтобы, не будучи виновным, пострадать за правду. Горячим обращением к Богу Джигит молил облегчить его грядущие муки и, когда пришли вчерашние казаки-конвоиры, чтобы вести его в штаб дивизии, он уве-

ренно, и как бы успокоенный, последовал за ними. Вступив в глубокий снег босыми ногами, пленник в первую минуту почувствовал как-бы уколы иглами в кожу от холода, но потом, при движении, ноги немного согрелись.

У подъезда штаба дивизии казаки — конвоиры сказали ординарцу доложить начальнику дивизии, что привели пленного белого офицера. Через минуту ординарец вышел и, открывая двери, знаком указал, чтобы пленника ввели внутрь.

Войдя в дверь, Джигит увидел у стола стройного, среднего роста, одетого в черкеску, казака с красной нашивкой на рукаве. Опершись одной рукой на стол, он давал какие-то указания другому молодому человеку с бритыми усами, как оказалось, своему адъютанту.

При входе казаков с пленником, он, повернувшись лицом к вошедшим, остановившись у двери, окинул Джигита пронизательным взглядом, в котором можно было одновременно прочесть и грусть и досаду на что то. В черных глазах Сорокина чувствовалось наличие той внутренней силы, которая дает человеку возможность возвыситься над толпой.

Сорокин приказал казакам удалиться. Оставшись втроем, он еще раз посмотрел на измученное, опухшее и синее от побоев лицо Джигита, и сказал, обращаясь к пленнику:

— Это вас, товарищ сотник, так товарищи отпояливали? Этим русским скотам не свободу надо было дать, а еще на 300 лет запретить в барщину их старым панам! Как из хама не сделаешь пана, так из раба не получишь свободный! Кучумов, — крикнул он ординарцу за дверь, — пойд ко мне на квартиру и принеси сюда полушубок, шапку и валенки, что лежат там в углу в спальне.

Пока ординарец ходил исполнять приказание, Сорокин приказал своему адъютанту приготовить сопроводительный пакет, говоря:

— Сейчас подводы пойдут в штаб корпуса за патронами и с этой оказней отправится и товарищ пленник.

Затем, обращаясь к Джигиту, сказал:

— Я не снимаю никакого допроса с вас, т. к. из тех бумаг, что нашли при вас, я уже знаю все, что мне надо. Там же в корпусе политические комиссары вас спросят, что им интересно будет знать. Я могу только от себя дать вам совет: если вам предлагают служить у нас, то соглашайтесь, тогда мы, может быть, еще встретимся.

В это время ординарец пришел и принес вещи.

Вот, товарищ сотник, оденьте и обуйте все это.

Одевшись в короткий дубленый полушубок и валенки, Джигит сразу почувствовал приятную теплоту. У подъезда послышался шум остановившейся брички. Вошли два казака и доложили, что они назначены конвоирами. Передавая пакет, Сорокин сказал:

— Вы повезете в штаб корпуса пленника, передайте этот пакет также в штаб корпуса и, взяв патроны, возвращайтесь. Итак, до свидания, товарищ сотник, кивнул он головой по направлению Джигита.

Выйдя на крыльцо, пленник и казаки сели в бричку и выехали со двора. Штаб корпуса был в селе Саблино и это было довольно далеко. Свежий морозный воздух, мерное покачивание на мягкой соломе, которая была на дне брички, однообразный вид белоснежной степи, на которой можно было видеть вдаль от дороги прохаживающихся дроф и доброжелательство Сорокина, которое он угадал в его взгляде, действовали на Джигита успокаивающе. Когда солнце было в полдень, заехали в лежавшую по дороге маленькую немецкую колонию, где конвоиры, найдя старосту, просили его указать им хозяина, который мог бы накормить всех их и лошадей.

Староста, ведший очередь такой повинности в колонии, назвал фамилию одного колониста и дал провозжато. Подъехав к указанному двору, казаки предъявили хозяину полученный от старосты мандат. Колонист сейчас же указал фуришку, где брать сено для лошадей, а пленника и казаков повел в комнату. Хозяйка начала накрывать на стол. Пока все

приехавшие ели жидкий борщ, показавшийся Джигиту очень вкусным, хозяйка зажарила яичницу с салом, которую Джигит тоже проглотил с волчьим аппетитом.

Теперь только он вспомнил, что с момента, как он попал в плен, он в первый раз ел...

Пообедав, двинулись дальше в путь. К вечеру подъехали к хутору, где решено было заночевать. Пленника поместили в хуторском карцере, замкнув его на замок. Разбитый, обессиленный, утомленный физически, Джигит заснул тяжелым сном на голых нарах карцера.

Пробудил его шум отмыкаемой двери и отодвигаемого засова. В первое мгновение Джигит не мог понять, где он; на дворе и в карцере было светло. Дверь распахнулась и вошли три казака, незнакомые Джигиту. Один из них сказал:

— Товарищ, мы узнали, что здесь есть пленный офицер, проезжая через этот хутор, и зашли посмотреть вас. Я командир Михайловского красного полка, а это мой адъютант и казначей. Мы все казаки. Я раньше был учителем в станичной школе. Я, как и мои эти товарищи, принадлежали к партии социалистов — революционеров, но сейчас мы скажем правду, что мы разочаровались в этой партии. Ее подменили коммунистической. И, вообще, на словах одно, а на деле другое. Как казаку, мы вам скажем, что мы убедились, что казакам ни социалисты, ни коммунисты ничего не дадут, а только грабят, как это делали и прежние правители. Сейчас мы идем с красными, т. к. сперва мы поверили их словам, а белых мы раньше знали, но мы уверены, что мы, казаки, еще будем воевать с коммунистами. Сейчас есть приказ сохранять жизнь белых пленных офицеров. Если вам предложат служить у нас, то может быть мы еще встретимся, а пока досидания, не падайте духом!

Посетители вышли и сейчас же пришли конвоиры, повели Джигита в дом одного крестьянина, перед которым стояла уже запряженная бричка. В горнице, на столе стояли молоко и хлеб. Поев молока с хлебом, все сели в бричку и лошади пошли бодро рысью. К вечеру прибыли в село Саблино. Сдав Джигита в штабе корпуса и получив расписку, конвоиры ушли. Пленника поместили в отдельную маленькую комнату без всякой обстановки и с голыми стенами.

Утомленный, он опустился прямо на пол, прислонившись спиной к стене. Через некоторое время за ним пришли и провели в комнату, где за столом, покрытым красным сукном, сидел полный пожилой человек и пытливыми глазами осмотрели вошедшего. Сидевший оказался бывшим русским офицером, о чем он поспешил сообщить Джигиту без всякого предисловия.

Получив обычные сведения о личности, службе и об образовании пленника, этот офицер, политический комиссар корпуса, проявил особый интерес к тому, что делается в столице Кубани, Екатеринодаре, заявив, что им, красным, известно, что белое командование борется за власть с казачьим правительством и что они даже уверены, что скоро должен быть разрыв между ними, т. к. казаки хотят быть сами у себя хозяевами.

— За вашу откровенность, товарищ комиссар, я отвечу откровенностью, начал пленник. — Что делается в Екатеринодаре, я совершенно не знаю, т. к. за шесть месяцев, как я покинул дом, я газет не читал и даже не видал. На позиции, за непрерывными напряженными боями, нет времени, да и газеты до нас не доходят. Их читают только в штабах...

Закончив допрос пленника, политический комиссар сказал ему:

— Я имею полномочие предложить вам поступить к нам на службу в качестве писаря; три дня тому назад к нам из вашей дивизии перебежал прапорщик Мишин, он согласился быть писарем и работает уже в штабе.

— Благодарю вас, товарищ комиссар, за такое предложение, ответил пленник, — но я не чувствую себя способным к этой службе.

— Тогда вас завтра повезут в Георгиевск, в штаб армии, где может быть вас и уговорят служить у нас, добавил комиссар, отпуская пленника и давая знак солдату проводить его в его комнату, где он был сначала.

Вернувшись в комнату, Джигит увидел на полу матрац, подушку, одеяло, а через несколько минут солдат принес котелок борща и хлеб.

Когда пленник все с'ел, солдат убрал котелок и, уходя, сказал ему, чтобы он постучал в дверь, когда что-либо нужно будет, т. к. солдат будет находиться в соседней комнате, куда выходила эта дверь, и ключ от этой двери будет у солдата.

Раздевшись и улегшись на матрац под одеялом, Джигит долго не мог уснуть. Самые разнообразные мысли носились в его голове. Прежде всего он был озадачен и сбит с толку тем, что он увидел и услышал в штабе корпуса красных. Он не мог понять, как это русские офицеры, и по всему видно — с образованием, служат у красных делу разрушения и, по-видимому, не из-за страха, а с сознанием своего долга; значит и русская интеллигенция приняла и укрепляет коммунизм в России и хочет навязать его нам, казакам...

С такими мыслями пленник незаметно уснул.

На другой день Джигита разбудил солдат, принеся в жестяной кружке жидкий сладкий чай и кусок хлеба и сказал, чтобы он одевался, т. к. подводы уже ждут, чтобы везти его и других пленных на станцию «Минеральные Воды», откуда все железной дорогой будут отправлены в Георгиевск.

Джигит встал в это утро в хорошем и бодром состоянии духа. Быстро выпив чай с хлебом, он в сопровождении солдата вышел во двор штаба корпуса, где стояли две брички, т. к. партия отправляемых теперь увеличилась.

Сели арестованные в перемежку с солдатами. Старшему унтеръ — офицеру были переданы пакеты в штаб армии. Среди арестованных был один ставропольец, молодой человек, который обвинялся в саботаже, т. е. просто отказывался воевать по своим внутренним убеждениям; и два старых казака, приехавших навестить своих сыновей в полк и, как были в обозе, попали в плен вместе с обозом.

На станцию «Минеральные Воды» прибыли после полудня. Прождали около получаса поезда, затем арестованные и солдаты разместились в вагоне третьего класса, где были и другие солдаты, ехавшие в штаб армии. На станции солдаты достали похлебки и хлеба и покормили арестованных.

Джигита томила жажда и т. к. до отхода поезда еще было достаточно времени, он в сопровождении солдата прошел на станцию. Войдя во внутрь зала второго класса, Джигит почувствовал головокружение от спертного запаха разлагающегося человеческого мяса... Весь пол зала был покрыт соломой, из-под которой то там, то здесь виднелись торчащие руки и ноги людей. Некоторые еще шевелились. В некоторых местах слышались стоны.

Что это? Откуда выхвачена эта картина? Из дантовского «Ада»? Нет! Это что то еще более ужасное...

Солдат сказал, что это все тифозные; в госпиталях и бараках не хватает места, не хватает также докторов и санитаров и, вот, под тифозных отвели весь зал второго класса вокзала, но здесь за ними никто не ухаживает. Пока они двигаются, сами за собой ухаживают, а как упал, так уже, значит, и умирает. Не успевают их хоронить, а некоторые по неделе лежат в соломе.

Джигита потянуло вон от этого ужаса на воздух. У самого выхода здоровый, сильный солдат с давно не бритой бородой уставился помутневшими, стеклянными глазами на Джигита и своими пересохшими губами что-то силился сказать.

Джигит скорее догадался, чем услышал: пить.

Выйдя из зала, Джигит поспешил к крану, из ко-

торого текла вода и, прижав к нему губами, утолил жажду. Затем увидел около крана, на земле, коробку из-под консервов, наполнил ее водой и направился обратно в зал. Солдат остался у двери. Джигит приблизил банку к губам больного и тот с жадностью прижав к ней, осушил до дна, затем улыбающийся глазами, полными глубокой благодарности, больной поглядел в глаза Джигита, но потом вдруг опрокинулся головой на солому, все его тело конвульсивно потрясалось и глаза неподвижно уставились вверх. Джигит понял, что душа больного расстается с телом и поспешил к двери, где его уже ждал солдат, чтобы идти в вагон.

Ночью прибыли в Георгиевск и всю партию арестованных с вокзала отправили в штаб 11-й Шариатской армии генерала Клембовского и поместили в огромном подвале под зданием бывшей почты. Самое здание было занято службами штаба армии.

В подвале арестованных было около ста человек. Здесь же один угол был занят караульным взводом, охранявшим арестованных. Все арестованные помещались прямо на голом цементном полу. Караульный взвод был смешанный, здесь были и солдаты и молодые казаки черноморцы, мобилизованные большевиками во время первой оккупации. Через несколько дней в подвал привели человек двадцать. Это были все казаки, большею частью пластуны, попавшие в плен во время боев у Святого Креста. Так как подвал был переполнен, то на другой день всех рядовых казаков и солдат перевели в другое здание, оставив здесь только урядников, чиновников, офицеров и несколько малолетних терских казаков — добровольцев, бывших в отряде генерала Шкуро и попавших в плен под Зеленчуком. Ставропольец, отказавшийся воевать, тоже был оставлен в подвале. Из интересной, оживленной беседы с ним, Джигит заключил, что молодой человек, хотя сам и православный, но подвергся влиянию немецких менонитов, колонии которых встречаются в Ставропольской губернии.

Другим соседом Джигита оказался чиновник военного времени, терец станицы Прохладной, тоже попавший в плен из отряда Шкуро.

В штабе армии Джигита снова допрашивали. Причем пленник убедился, что главное внимание политические комиссары придавали политическим взаимоотношениям Казачьего Правительства и белой русской армии.

Пленников из подвала не выпускали. Только в базарный день, кто имел деньги и хотел что нибудь купить, те могли ходить с конвойным солдатом на базар.

Однажды чиновник, располагавший деньгами, Джигит и два казака воспользовались этим правом и пошли с солдатами на базар. Благодаря большой толпе и невнимательности солдат, заговоривших со своими друзьями, Джигит затерялся в толпе и, выбравшись вскоре из нее, взял направление к окраине города. Но не успел он пройти и трех кварталов, как ему навстречу попался скромно одетый в черном молодой человек, внимательно, с ног до головы, оглядевший Джигита. Пройдя еще квартал, Джигит хотел повернуть за угол, как к нему подошел сзади незнакомец, которого он раньше встретил, и идя рядом, сказал:

— Идите за мною, убегать не пытайтесь, т. к. эта штука вас догонит, вынимая и показывая Джигиту браунинг, сказал он.

Джигит понял, что попал в руки тайного агента и повиновался. Пройдя довольно путанным путем несколько улиц, подошли ко двору с железной плотной калиткой и такими же воротами. Незнакомец позвонил двумя короткими звонками. Калитку открыл солдат, пропустил вошедших и тотчас снова закрыл ее на ключ. По длинной аллее сада пришедшие направлялись к флигелю; внутри флигеля у входной двери сидел солдат с револьвером в руках. Пересекли ряд комнат и остановились у двери, перед которой сидел на стуле солдат, тоже вооруженный револьвером.

На требование незнакомца, приведшего Джигита,

солдат открыл дверь имевшимся у него ключем и сделал знак пленнику войти внутрь.

— Оставляйтесь здесь и ждите, — сказал незнакомец, — разговаривать с другими запрещено, — добавил он и дверь закрылась.

Джигит очутился в небольшой квадратной комнате, где на полу, прислонившись к стене спиной, сидели девушка и молодой человек, повидимому учащиеся, и мужчина средних лет с большим красным бантом на груди. У двери на стульях сидели два солдата с револьверами в руках. Девушка плакала. Несмотря на требование солдата не разговаривать, человек с бантом не переставал протестовать вслух:

— Это несправедливо, говорил он. Я честно служил власти, я указал, сколько имел доходов мой хозяин и где он скрывал деньги, за что же меня арестовали?

Джигит молча занял место на полу рядом с другими и стал ждать. «Судьба, подумал он, из огня да прямо в полями, угодил прямо в чрезвычайку».

Через некоторое время ключ в двери повернулся, дверь открылась и позвали человека с бантом. Прошло около четверти часа. Вдруг где-то, не то за стеной, не то под полом послышался глухой звук выстрела, девушка вздрогнула и еще больше залилась слезами. Вскоре вызвали Джигита и провели в обширную комнату со столом, покрытым красным сукном. За столом сидело три человека, в которых Джигит сразу же, по характерным чертам лица, узнал евреев. Его предположение подтвердилось, едва один из brunetов, занимавший председательское место, начал задавать вопросы.

Как только допрашивавший узнал, что перед ним пленный, содержащийся в подвале штаба армии и случайно попавший в руки агента, так сейчас же товарищ адвокат, как его называли другие, сидевшие за столом, позвал агента, приведшего Джигита, и приказал отвести Джигита в штаб армии, заметив, что он подлежит ведению армейского суда.

Едва Джигит с агентом приблизились к подвалу, как пришедших встретил конвоировавший утром Джигита и других на базар солдат и начал ругаться, говоря, что Джигит хотел убежать.

Сдав приведенного, агент ушел.

Электрическое освещение в подвале было всю ночь. Безконечные ночи пленники проводили, избивая вшей в своих сорочках, снимая их на время «охоты» и оставаясь на это время полуголыми; иногда к окнам подвала, бывшим на уровне тротуара, свешивались лица любопытных, проходивших по улицам, чтобы поглядеть на такую занимательную картину.

Джигит имел на себе рубашу и фуфайку и мог, пока одна подвергалась очищению от зверей, оста-

ваться в это время в другой. Но вшей была такая масса, что они стадами ползали по цементному полу и едва пленники успевали надеть сорочки, в них с пола напозала новая смена.

В дальнем углу подвала группа казаков, урядников и писарей иногда начинала петь песни. Джигит, чтобы забиться немного, услышав попытку запеть, проходил в тот угол, присоединялся к сидевшим и вскоре оттуда неслись мелодические звуки казачьих песен: «Ревуть, стогнуть гори»... Запевал сочный баритон писаря черноморца. «Плачуть, тужать козаченьки в турецкій неволі» подхватывали другие голоса... Вскоре в угол собирались обычно все казаки и все пели. Глаза казачьи мечтательно, задумчиво глядели вдаль, повторяя слова песни, в которую вкладывали всю свою грусть и печаль разлуки со своими родными станицами, подобно своим предкам, переживавшим когда-то турецкую неволю.

Песни сменялись одна другой, но все они были полны неизяснимой грусти и тоски по родным Краям. Вот, запели песню-думу про атамана Сирка, где рассказывается, как он гулял по степи с Запорожцами и выручал казаков — невольников из турецкого плена, и вспоминается про Марусю Богуславку... Перед мысленным взором казаков проходили картины далекого прошлого их предков, лица и голоса их дышат вдохновением. Не голосами, а душой поют казаки, переживая свою собственную неволю, которая кажется еще горше, еще тяжелее и несправедливее, ибо в то время, как предки терпели муки от мусульман турак, нехристей, теперь они попали в неволю к своим единоверцам, православным русским.

Песни пленников захватывают душу и у солдат караульного взвода. Все они сбились в кучу, приблизившись к певшим, а молодые мобилизованные казаки этого взвода, заражаясь общим настроением, тоже присоединяли свои молодые, звонкие голоса... И долго за полночь льются грустные звуки казачьих песен, унося мысли казаков далеко от жестокой действительности...

За два дня до Рождества Христова в подвал привели пленного «белого» офицера, поручика Алешина, взятого в бою у Святого Креста.

Джигит попробовал завязать с ним разговор, но с первых же слов заметил, что новый пленник заговаривается.

Ночь прошла в подвале как всегда. Поручик Аleshин мрачно глядел на все здесь происходившее, но утром вдруг бросился к винтовкам караульных солдат, стоявших здесь же в стойках, пытаясь завладеть одной из них, но был схвачен солдатом и связан, несмотря на бешенную попытку вырваться. Связанного, его отправили в тюрьму, где доктор признал его сумасшедшим.

(Продолжение следует).

Подлинное лицо Граббе

Покойный ген. Богаевский был представителем той части казачьей старшины, которая сама служила верой и правдой Единой — Неделимой и Казачество тянула вместе с собою на эту службу.

Граф Граббе является, собственно, русским баринном не русского происхождения, которому пришла в голову **блажь** — стать непременно казачьим Атаманом. — Что он очень хотел быть Атаманом, это всем очевидно. Что он не избран, хотя и «провозглашен» это тоже очевидно. Но, что и сам подсчет голосов, поданных за него, производился сличком для него «благосклонно», это будет очевидно, кажется, только в недалеком будущем.

Что представляет собою г. Граббе, не секрет для каждого мало-мальски политически грамотного казака.

Несмотря на желание г. Граббе говорить каждому своему собеседнику только «приятные» для последнего вещи, вряд ли кто из казаков заблуждался до сего времени насчет подлинного лица и подлинного «нутра» «провозглашенного Атамана». Для тех же, кто до сего времени на этот счет заблуждался, при-

ведем еиже несколько выдержек из «Возрождения» (см. номер от 7 сентября) о посещении им Югославии:

... «Граф Граббе посетил русскую церковь, где поклонился гробнице генерала барона Врангеля»... — «Атамана чествовал банкетом 4-й отдел РОБС-а, на котором присутствовали представители всех воинских организаций. Банкет открылся приветствием председателя отдела, ген. Барбовича, который произнес очень яркую речь о значении казачества в истории России»... — «Бывший кубанский атаман Филимонов указал, что выборы... рассеяли предвзятое мнение, будто казаки — самостийники»... — «В ответном слове атаман (Граббе) констатировал, что «казаки в массе своей лишены сепаратизма и проникнуты чувством любви и преданности великой родине — России»... — «3 сентября атаман посетил Союз русских писателей и журналистов в Югославии... В теплой речи атаман благодарил собравшихся и просил русских журналистов помочь ему в трудном деле собирания разрозненных русских сил, забыть распри и послужить Великой России»...

— Какие, собственно, и кому нужны еще ко все-му этому комментарии?

Думы и мысли

Иван Назаров

Посвящаю П. И. Н-ву.

В стране чужой, «соколик мой»,
 Не раз тебя встречая в свете,
 Я горд сознанием, что такой
 Джентльмен, во френче и берете,
 Всегда заметен меж толпой.
 И есть красавицы, я знаю,
 С тебя не сводят зорких глаз...
 И есть побед урочный час,
 И есть друзья... И тут не скраю
 Сидишь ты с чашей круговой...
 А если песня раздается —
 Твой голос в даль и ширь несется...
 Иль, если в пляске боевой
 Ты развернешься, как — бывало —
 В степях Казачество плясало,
 Я рад... И сам бы я с тобой...
 Но дело в том, лишь, милый мой,
 Что есть далеко за морями
 Одна забытая страна. —
 Там, меж седыми ковылями
 И нежно-алыми цветами
 Струится кровь... Там издавна
 Не слышно песен по станицам,
 Но гулко колокол звенит...
 И стон его пролетным птицам
 О грозной мести говорит.
 И та страна, где даль без края,
 Где без конца в просторах гладь, —
 Не край чужой, не мать чужая —
 Она твоя родная мать!..
 Там удалцы в забаве нежной
 Не покоряют женщин, нет! —
 Но носят бунт в душе мятежной
 И под жилетом пистолет...
 Там нет забав и плясок нету —
 В молчании кроется гроза
 Восстаний, следуя завету
 Преданий старых... Лишь слеза
 Священной материнской муки
 Не в силах вынести завет...
 Там смерть гуляет в диком пире,
 Там голод шествует в порфире,
 А мы — меж женщин, средь кафан
 Разбили свой походный стан
 И позабыли, что народу
 Мы в долге мужества должны,
 Его мечты, его свободу
 Таить у сердца суждены,
 Его терзаниями по свету
 Должны мы в грозной муке тлеть,
 В исканьях Воли — по завету —
 На Диком Поле умереть...
 — Вот почему в чужом просторе
 Нам не забыть про зов свобод.
 И место нам не в тихом лоне
 Чужой страны с мечтой во взоре,
 Но там, где смерть, и кровь, и горе,
 И где родимый наш народ...

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО И ПРЕДАТЕЛЬСТВО КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЫ..

Нет ничего удивительного в том, что Донское Войско потерпело поражение в борьбе с русскими большевиками в период 1917-1920 г.г., ибо у кормила казачьей власти находились те-же персонажи из рядов казачьей старшины, которые ныне провели столь бесславную и бездарную игру... с «провозглашением» графа Граббе Донским Атаманом!... Уроки печального прошлого Донского Казачества не пошли на пользу «бывшим людям» из рядов Донской старшины, имеющим весьма малое количество казачьего естества в своем внутреннем и внешнем мировоззрении, ибо они ничему не научились в период вынужденного пребывания в эмиграции на чужбине...

Ген. П. Н. Краснов инициатор затеянной игры, одумался и отстранился от участия в последней, по крайней мере с внешней стороны, видимо учитывая, что «лес рубят — щепки летят»: остальная-же часть казачьей старшины буквально не отдавая себе отчета в своих действиях, очертя голову, форменным образом бросилась в омут... иначе нельзя назвать сие предприятие с фальсификацией выборов Донского Атамана за-границей.

Начнем с того, неужели казачья старшина настолько наивна в своем умственном содержании, что считает себя способной «обвести вокруг пальца» казачьи массы, которые испокон веков представляли собой незыблемую мощь Донского Казачества?! Не теперь, а много раньше, еще являлось возможным «втиснуть очки» казачьему общественному мнению... а казачья старшина все еще продолжает наивничать и, считая усыпленной бдительность в отношении казачьих масс, даже пыталась и, надо отметить притом весьма неудачным образом обмануть иностранное общественное мнение... Если последнее присматривалось с известным вниманием к проведению «выборов» Донского Атамана, то отнюдь не только потому, что имел место единственный в своем роде «плебисцит», но еще по ряду более довлеющих и важных причин, о сущности коих казачья старшина решила промолчать...

В происшедших выборах приняли участие 5123 Донских казаков, причем по наущению казачьей старшины, русская эмигрантская печать объявила, что в выборах Донского Атамана приняло участие 80% общего количества Донских казаков, пребывающих за-границей. Дабы затушевать некоторую невязку, коротко выражаясь конфуз, в отношении иностранного общественного мнения (и это главным образом), вследствие малого числа Донских казаков принимавших участие в выборах, центральная комиссия объявила о проведении в будущем т. н. переписи Донских казаков за-границей, якобы с целью установления точного числа последних. Подчеркивая последний факт, остается указать, что слишком плохо завуалированной оказалась старшинская хитрость... ибо иностранное общественное мнение отличным образом сумело разобраться, почему из 20.000 Донских казаков, находящихся за - границей, участие в выборах приняло всего лишь 5000 Донских казаков; шила в мешке не утаишь!

В свое время, когда «бессменный» председатель несуществовавшего Донского Правительства (Н. М. Мельников), бесsilно метался из стороны в сторону, стремясь обрести спасение от «грехов» в связи со смертью ген. Богаевского и безудержным образом «колпачил» казачье общественное мнение, мы предложили ему свои услуги (через посредство казачьей печати) в деле сообщения адресов членов Донского Войскового Круга, стремясь оказать всемерное содействие Н. М. Мельникову в деле созыва Донского Круга. Ясное — ясное, что Н. М. Мельников не мог воспользоваться предложенной нами услугой, ибо воспользо-

вавшись последней, оказался-бы попросту в дураках, ибо кто-кто, но лицо имеющее себя председателем Донского Правительства, должно знать адреса членов своего Донского Войскового Круга, чего на самом деле не было.

Ныне также, видя лживость уверений со стороны казачьей старшины в деле искажения истинного числа Донских казаков, пребывающих за-границей, считаем неотъемлемым долгом поведать казачьему общественному мнению об истинном числе Донских казаков, на основании официальных данных, сохраняющихся в нашем личном архиве.

К 1-му декабря 1920 г. в т. н. Константинопольском районе находилось гражданских беженцев Донских казаков — 6515 чел. и в рядах Донского корпуса состояло 22.000 Донских казаков. 13-го февраля 1921 г. на пароходе «Решид-паша» выехало 3300 Донских казаков из пределов Турции в Новороссийск, 27-го марта на пароходе «Решид-паша» выехало 3200 Донских казаков в Одессу, 12-го мая на пароходе «Решид-паша» выехало 1235 Донских казаков в Батум и т. д. Всего в 1921 году выехало 8442 Донских казака из пределов Турции в советские порты. В соответствии с этим, а равно и по жизненным обстоятельствам изменилась общая численность Донских казаков в т. н. Константинопольском районе, именно к 3-му февраля численность гражданских беженцев Донских казаков — 12.316 чел. и в рядах Донского корпуса состояло 10.614 Донских казаков, к 1-му августу 1921 г. числилось гражданских беженцев Донских казаков — 13.228 чел. и в рядах Донского корпуса состояло 5.963 Донских казаков.

24-25 августа 1920 г. красная армия разбитая поляками, принуждена была интернироваться в Германию, при чем вместе с красной армией перешли в Германию до двух с половиной тысяч Донских казаков, из частей Донской армии, брошенной Донским Атаманом ген. Богаевским на Черноморском побережье в 1920 г. За выездом известной части казаков из пределов Германии в советские порты Балтийского моря. Донские казаки в количестве 1000 чел. были переведены 22 февраля 1921 г. в лагерь Котбус, где из них были образованы 1-й и 2-й Донские казачьи полки. 18 июня 1921 года упомянутые казачьи полки были переведены в лагерь Лихтенгорет, где казаки были поставлены на земляные, торфяные и сельско-хозяйственные работы. В июле 1922 года по распоряжению германского правительства казачьи лагеря должны были быть ликвидированы, но Донские казаки вышли из этого положения, образовав «Вольную казачью колонию в Германии», которая была утверждена германскими властями, приравнявшими казаков к немецким рабочим. В дальнейшем, Донские казаки разошлись по работам по всей Германии, сосредоточившись главным образом в провинциях — Ганновере и Померании.

В мае и июне 1920 г. некоторые казачьи части, состоявшие в 1-й конной армии Буденного, перешли на сторону поляков, выступая в дальнейшем с оружием в руках против большевиков: к этому же числу надлежит причислить и казаков, состоявших в Донской бригаде полк. М. Ф. Фролова, входившей в состав украинской армии. В конечном итоге, к 1-му декабря 1920 г. на территории Польши находилось свыше 5000 тысяч Донских, Кубанских, Терских, Уральских и Оренбургских казаков, из коих насчитывалось больше 3000 тысяч Донских казаков. В дальнейшем некоторая часть Донских казаков выехала в Сов. Россию, сообразно чему в настоящее время на территории Польши проживает около 1000 Донских казаков.

Сведения приводимые в настоящем изложении не были бы исчерпывающими, если бы не было отмечено, что в период 1922-1927 г.г. выехало в Сов. Россию до 3000 Донских казаков, главным образом из числа казаков проживавших в Болгарии и Чехо-Словакии.

Сверх указанного, за-границей оказалось большое число Донских казаков, выехавших разновременно, т. е. до общего исхода Донских казаков на чужбину

и сообразно этому не проходивших в свое время через общие регистрационные пункты для всех Донских казаков. К примеру укажем на Донской кадетский корпус в сотаве 440 кадет и большого числа казачьих офицеров и служащих казаков, эвакуированный в феврале 1920 г. из Новороссийска в Египет, на раненых казаков вывезенных англичанами в декабре 1919 г. — феврале 1920 г. из Новороссийска на остров Мальту, на Донских казаков находившихся в сибирских армиях и отошедших в Китай и т. д. Помимо того, чтобы казаки — читатели могли вполне уяснить себе последнее положение, назовем ряд фамилий хотя-бы только из числа казачьей старшины, столь действительно поработавшей в деле «провозглашения» нового Донского Атамана, именно графа Граббе, ген. П. Н. Краснов, И. Н. Ефремов, Г. И. Карев, А. П. Марков, Н. М. Мельников и др.; указываемых лиц в дни, когда Донские казаки истекали кровью в последних схватках с русскими большевиками, не было в рядах Донских казаков, большая часть заранее выехала за-границу, а некоторые, именно, проф. А. П. Марков сидел в Москве и появился на Дону, лишь после того, как большевики овладели территорией Дона... пусть помнят об этом Донские казаки и никогда не забывают!

В данное же время за-границей находится немногим более 20.000 Донских казаков, что также надлежит знать казакам... но каковой факт отнюдь не в интересах казачьей старшины, почему? — увидим немного ниже.

Умерший ген. Богаевский мог с ранее забегавшим за-границу Н. М. Мельниковым, ровно пятнадцать лет возглавлять (конечно — номинальным образом) Донское Казачество, именуюя себя беззаконным образом Донским Атаманом, благодаря соучастию и покровительству со стороны казачьей старшины... В данный момент времени, в связи с его смертью, возглавление Донского Казачества также номинальное и, также благодаря соучастию и покровительству со стороны казачьей старшины, перешло к графу Граббе, сбежавшему за-границу задолго до начала кровавой борьбы Донских казаков с русскими большевиками...

Вот почему любопытно и дико было читать интервью «провозглашенного» Донского Атамана графа Граббе с французским журналистом Саломоном, напечатанное во французской газете «Пари Суарь» от 5-го августа с. г., где указывается: «Наступила революция и во главе войск, пядь за пядью отстаивая свою землю, пока не сбрасывают нас в Черное море». Здорово написано, что и говорит, оказывается... чего, мы — Донские казаки не ведали до сей поры, граф Граббе «во главе войск, пядь за пядью отставлял свою землю (т. е. Дон), пока не сбрасывают нас (т. е. Донских казаков) в Черное море». Мерзкая и позорная ложь... ибо граф Граббе с началом революции «намазал свои пятки салом» (так говорят казаки) и исчез за-границей!...

Любо-дорого почитать другое интервью «провозглашенного» Донского Атамана графа Граббе с сотрудником журнала «Иллюстрированная Россия», где говорится: «В голосовании принял участие более 10.000 человек. Многие бюллетени по причинам формального характера: отсутствие подписи, недостаточный возраст (моложе 21 года) были комиссиями по выборам отвергнуты, а потому общее количество казаков, принявших участие в выборах, надо считать 11.500 человек». (См. № 33 (535) «Илл. Россия» от 10-го августа 1935 г. стр. 5 «У Зарубежного Донского Атамана» — беседа нашего сотрудника). Что должны сказать по этому поводу Донские казаки, то и говорят... лживое интервью, недостойное сиетельного «избранника», ибо вящая сугубая действительность, устами «центральной комиссии по выборам Донского Атамана» говорит, как раз обратное: «что в голосовании принял участие 5311 человек взрослого мужского населения. Голоса 5.123 чел. приняты к учету, а голоса поланные 188 чел. к учету не приняты и т. д. (См. № 3708 газ. «Возрождение» от 29 июля с. г., стр. 1 «Официальный акт о выборах Донского Атамана»). От подобного грубого искажения действительно-

го положения вещей в казачьей среде, изложенного в интервью с сотрудником «Илл. России», графу Граббе... остается лишь одно... краснеть!

Не всегда представляется возможным обмануть казачье общественное мнение, не обманулось последнее и в том, что три четвертых общего числа Донских казаков, пребывающих за-границей, не приняли участия в выборах Донского Атамана, который тем не менее «провозглашен» усилиями Донской старшины в лице графа Граббе, не взирая на тот факт, что «старшинский избраннык» получил всего лишь 46 процентов голосов из общего числа голосовавших, т. е. не получил большинства голосов голосовавших.

В 1917 году в период начала революции, последний Наказный Атаман Донского Войска граф Граббе был арестован по постановлению Донского исполнительного комитета (в состав коего между прочим входили полк. Захаров и Г. И. Карев, игравшие столь видную роль в деле «провозглашения» графа Граббе Донским Атаманом) и выслан с территории Дона. О сем моменте, граф Граббе соизволил умолчать, вероятнее всего в видах скромности, и не сообщал в различных интервью, даваемых журналистам.

Одновременно с арестом Наказного Атамана графа Граббе, ушел в отставку начальник Войсковой штаба ген. Абрамов, не сочувствуя духу новых веяний.

Прошло 18 лет... и что-же приходится наблюдать, именно «выборным» Донским Атаманом вновь является последний Наказный Атаман Донского Войска граф Граббе, главным помощником его по военной части, также как и встарь, бывший начальник Войскового Штаба, ген. Абрамов, ныне «командир» Донского корпуса. Радуйтесь Донские старшины... ваши усилия не пропали даром... своим отношением к насущным интересам и нуждам многострадального Донского Казачества, вы — старшины стремитесь вытравить целую эпоху исторического бытия Донских казаков, времена Атаманов Волошинова, Каледина, Назарова, Степной Поход, моменты существования независимого казачьего государства Всевеликого Войска Донского и его героической борьбы с русскими оккупантами!!!

«Чудны дела Твои — Господи» надлежит сказать: что же остается еще ждать от таких руководителей Донского Казачества, как Донские старшины; как далеко они поведут еще последнее?...

Наказные Атаманы лнут к Донскому Казачеству. Спасая свою шкуру, прибегают просить защиты у Донских казаков преемственный Наказный Атаман ген. Покотилло (стою много зла сделавший Донскому Казачеству), в феврале 1920 года: присоединился к Донскому Казачеству и последний Наказный Атаман Донского Войска граф Граббе, но только теперь, не рискуя однако себя связывать с участью Донских казаков, в грозное время для них, бежав тогда за-границу, спасая свою шкуру.

Напомним о дореволюционном ближайшем помощнике графа Граббе — ген. Абрамове, отметим, что ген. Абрамов также проявил себя с известной стороны, стоит лишь помнить о том, что когда Донские партизаны (которыми ген. Абрамов командовал в последних боях с красной гвардией перед Новочеркасском в феврале 1918 г.) под главенством Походного Атамана ген. П. Х. Попова, оставив Новочеркасск, пошли сохранять «идею Дона» в Степной поход в калмыцкие степи, то ген. Абрамов покинув Новочеркасск, предпочел остаться в ст. Манычской. Когда же есаул Н. П. Слюсарев с своим конным юнкерским отрядом, прибыв в ст. Манычскую, встретил ген. Абрамова и предложил последнему идти совместно с Донскими партизанами в поход, ген. Абрамов коротко и ясно заявил есаулу Н. П. Слюсареву, что считает подобный поход — авантюрой: именно так отзывался ген. Абрамов о Степном походе в самом начале последнего. Не являлось ли гибельной авантюрой для бытия Донского Казачества то, что сделали многие Донские старшины... бессильно опустили руки перед натиском русских большевиков!..

Легко выдумать «провозглашение» Донского Ата-

мана, но провести это положение в жизни, оказалось трудным делом даже для «многоопытной, искушенной» Донской старшины. Учитывая означенный факт, казачья старшина «самоопределилась», оторвавшись от казачьих масс, самопроизвольно установила главные выборные комиссии, самовольно назначила схему проведения «выборов» Донского Атамана, отбросив в сторону идею выборности Атамана через Войсковой Круг и заменив его искусственным плебисцитом, где при столь незначительном числе голосовавших казаков, были допущены злоупотребления.

Дабы придать более «авторитетности», возглавить «центральную комиссию по выборам Донского Атамана» было предложено И. Н. Ефремову, старому Донскому земцу, сидевшему в Государственной Думе. И надо сказать, И. Н. Ефремов с «честью» выполнил задание Донской старшины, прикрыв своим именем «провозглашение» графа Граббе Донским Атаманом. Цинизм с которым И. Н. Ефремов позволил себе огласить «грамоту» «отъ всего Донского Войска», зачитывая графу Граббе: «Вручая Вам настоящим актом власть Атамана, определенную основными законами Всевеликого Войска Донского, мы в полном соответствии с желаниями всего Казачества»... не знает предела.

Ставим вопрос, когда Всевеликое Войско Донское уполномочивало И. Н. Ефремова, вручать Атаманскую власть графу Граббе от имени всего Донского Войска? Ответим коротко — никогда... На каком же основании, И. Н. Ефремов соизволил провоцировать все Донское Казачество? Ведь 2.373 Донских казаков подавших голоса за графа Граббе недают еще права И. Н. Ефремову говорить: «о полном соответствии с желаниями всего Казачества». Базируясь на этом, укажем И. Н. Ефремову его настоящее место, теперь не воем «самодержавных» Атаманов Данилы и Степана Ефремовых, и если Войсковой Атаман Степан Ефремов (прелок И. Н. Ефремова) заявил в свое время петербургскому генералу Черепову, избитому Донскими казаками: «Это вам не Яицкое войско... а Донское войско», то мы — Донские казаки не принимавшие участие в выборах графа Граббе, заявляем И. Н. Ефремову: «Это Вам не Донское Войско (т. е. провинция Российского государства), а Всевеликое Войско Донское (т. е. независимое самостоятельное государство)», наг государственной конституцией (Основными Законами) коего, наглумилась неподобающим образом Донская старшина и прежде всего сам И. Н. Ефремов.

Полагаем, что И. Н. Ефремову вместо того, чтобы читать лутые «грамоты» «от всего Донского Войска» о претовращении Атаманских полномочий графу Граббе, не мешало бы зачитать на «торжественном» собрании 4-го августа в Париже «нечто другое». Ввиду того, что И. Н. Ефремов вероятнее всего неизменно помалкивает о сем «нечто другом», берем на себя труд восстановить это «нечто другое» не только в памяти самого И. Н. Ефремова, но еще для сведения вообще всех Донских казаков.

Итак, войсковой старшина А. Н. Греков вхоливший от Донского Войска в состав Совета Союза Казачьих Войск в Петрограде в 1917 году и, занимавший должность казначея в последнем, поместил очерк о деятельности упомянутого Совета на страницах «Донской Летописи» № 2, стр. 229-283. Списывая деятельность Совета Союза Казачьих Войск в эпоху т. н. «Калединского мятежа», А. Н. Греков пишет на стр. 267 следующее: «Выслушав меня, А. И. Дутов, несмотря на свою болезнь решил сам ехать в Зимний Дворец, вместе с президиумом. Я (т. е. А. Н. Греков) быстро собрал весь президиум, пригласив и других членов, случайно встретившихся, и мы отправились обратно в Зимний Дворец. Нас принял Керенский в том-же кабинете, но он был уже не один. В кабинете сидел за письменным столом министр призрания И. Н. Ефремов (Донской казак). Керенский видимо сильно волновался, ибо, встретив нас и поздоровавшись с каждым за руку, он всю беседу вел, расхаживая по кабинету. Снова посвятив нас в обстановку событий, Керенский добавил: «Я предложил

члену вашего Совета А. Н. Грекову, чтобы он дал слово, что Совет вынесет требуемую резолюцию, что Корнилов — изменник, а Каледин — мятежник, но последний от этого отказался, ссылаясь на то, что он Советом не уполномочен давать какие-либо обещания. Тогда я решил пригласить весь президиум, чтобы вы вынесли требуемую резолюцию. Я нарочно пригласил присутствовать при нашей беседе министра-казака И. Н. Ефремова, который вполне разделяет мою точку зрения. После этих слов заговорил И. Н. Ефремов»...

Что-же сказал И. Н. Ефремов президиуму Совета Союза Казачьих Войск? И. Н. Ефремов сказал прямо: «Да, А. М. Каледин — изменник! Он — преступник!» Однако, эти слова И. Н. Ефремова не помещены на страницах «Донской Летописи», ибо В. А. Харламов, председатель Донской Исторической комиссии, издававший «Донскую Летопись», состоя в приятельских отношениях с И. Н. Ефремовым, вычеркнул указываемые фразы И. Н. Ефремова из статьи А. Н. Грекова, и заменил их следующими отрывком: «Суть речи его (т. е. И. Н. Ефремова) сводилась к тому, как можно спасти казаков от братоубийственной войны».

Пусть не думают Донские старшины, что Донские казаки не отдадут себе отчета во всем происходящем.

Кто выставлял кандидатов на пост Донского Атамана, только казачья старшина; кто захватил организацию «выборов» в свои руки, только казачья старшина; кто не допустил созыва Донского Войскового Круга за-границей и подменил идею последнего созданием пресловутого плебисцита, только казачья старшина; кто спровоцировал право выборности Донского Атамана невыявлением будущей программы служению Казачеству со стороны кандидатов на пост Донского Атамана, только казачья старшина; кто покрыл произвол Н. М. Мельникова в деле расходования войсковых капиталов В. В. Д., только казачья старшина; кто допустил передачу Донского Архива в частные руки, только казачья старшина; кто забыл о том, что существуют младшие братья простые Донские казаки и кто попирает ногами интересы последних, только казачья старшина; кто осрамил Всеволокое Войско Донское перед казаками остальных войск, возвратив на Атаманский пост графа Граббе, которого Донские казаки восемнадцать лет тому назад изгнали с территории Дона, только казачья старшина; кто спровоцировал Донских казаков пребывающих на Дону перед большевиками, дав последним повод утверждать, что Донские казаки пребывающие за-границей реакционеры, ибо они выбрали себе Атаманом последнего Наказного Атамана графа Граббе, назначенного на Дон царской властью, только казачья старшина... но отнюдь не казачьи массы, ибо ныне между первыми и последними вырыта пропасть...

«Единый фронт» Донской старшины возник не без деятельного участия проф. А. П. Маркова, не то социалиста, не то демократа по своим убеждениям, казачи при всем своем желании не могут разобраться в этом... винегрете. Не спроста проф. А. П. Марков почувствовал внезапную пылкую любовь к «сиятельному кандидату», а ныне «провозглашенному» уже Донским Атаманом графу Граббе, здесь как говорится полностью проведена в жизнь поговорка: «рука руку моет». Правой рукой Миллюкова является, как известно, все тот же проф. А. П. Марков, а потому нет ничего удивительного в том, что газета «Последние Новости» ругавшая несколько лет тому назад... графа Граббе, помещая на своих страницах статьи приличествующие моменту и импонирующие «сиятельному кандидату»... но без указания имен и фамилий авторов, что наводит на известные размышления, а именно, что статьи писали не казаки, а русские!

Претендуя на роль политического руководителя Донского Казачества, проф. А. П. Марков вероятно мечтает о том, что граф Граббе ныне поблаготворит его за «оказанные услуги» и возведет на какой-нибудь высокий пост... времена меняются, а потому нет ничего удивительного в том, что если проф. А. П. Марков и Н. М. Мельников еще не примирились, то возможность такого примирения не исключается в

будущем. Не стоит думать много и ломать себе головы Донским казакам, что граф Граббе представляет собой что-либо. Можно было-бы полагать, что за восемнадцать лет граф Граббе мог измениться, нет, оказывается, каким был, таким и остался: стоит лишь почитать его интервью с французским журналистом Саломоном в том же номере «Пари-Суар» (см. выше), где г. Саломон пишет: «Я спрашиваю его (т. е. графа Граббе) о планах на будущее». Он. (т. е. граф Граббе) отгоняет дым папиросы с разочарованным видом: «Планов нет... Есть, может быть мечты». «Моя роль», уточняет он (т. е. граф Граббе), вздохнув, «царствовать, так сказать, над Донскими казачьими общинами, рассеянными по всему миру... Я патрон общества взаимопомощи... Нечего сказать, дожило Донское Казачество стараниями Донской старшины до блаженного момента, что «выборным» Донским Атаманом является не только бывший Наказный Атаман, к тому-же титулованный, с иностранной фамилией, не природный казак, но еще попросту какой-то мечтатель, чтобы не сказать старец, впавший в ранее детство, который не имеет никаких планов для будущего Донского Казачества, которые заменены у него... быть может, мечтами, не более...

Донским казакам надлежит не забывать, что казачья старшина «провозглашением» графа Граббе Донским Атаманом начала сызнова историю Донского Казачества... Ведь от Н. М. Мельникова никто из рядов казачьей старшины не потребовал никаких отчетов, а примирение, по крайней мере наружного характера, продемонстрировано публично на «торжественном» собрании 4-го августа в Париже. Сделав реверанс в сторону казачьих масс, казачья старшина лишь подчеркнула, что пошла на «соглашательство», когда объявила в печати, что по тем-то и другим причинам Атаманская булава не может быть перевезена из Праги в Париж и быть врученной публично графу Граббе на «торжественном» собрании.*) Не вам Донские старшины поучать нас, Донских казаков, знаем мы отличным образом, что находится на сохранении в Донском Музее в Праге, а посему никто нам не покажет никогда той Атаманской булавки, которую Н. М. Мельников вывез в 1923 году из Праги; своевременно-же мы опубликуем, где надлежит искать следы этой Атаманской булавки. Вполне естественно, что через некоторый период времени, на почве «провозглашения» графа Граббе Донским Атаманом начнут разыгрываться раздоры в среде Донской старшины... и тогда Донским казакам придется узнать многие пикантные подробности, которых до поры, до времени, не стоит касаться...

Говорить с таким апломбом о знании Основных Законов В. В. Д., как неоднократно говорил об этом проф. А. П. Марков, может не каждый казак. В самом деле, проф. А. П. Марков пишет: «Широкое круги русского общества, к сожалению, мало знают о законодательстве Донского Круга (пишу именно о нем, так как это законодательство мне наиболее известно), а между тем в нем гораздо больше государственной мудрости, чем, скажем, в законодательстве Временного Правительства» (См. «Казачество» стр. 220. Париж. 1928 г.). Интересно, почему же проф. А. П. Марков не выявил своего знания (хотя бы примитивного) Основных Законов В. В. Д. в деле «провозглашения» Донским Атаманом графа Граббе. К примеру, в основных Законах В. В. Д. §71, разделе 5, гл. X, сказано:

«Все сословные привилегии и сословия отменяются». Как же тогда, если граф Граббе присягнул Основным Законам В. В. Д. (а своей политической программы не объявил и не собирается объявлять), продолжает именовать себя графом, ибо согласно Донской конституции он потерял право на графский титул. Почему же проф. А. П. Марков не проявил своего знания Основных Законов В. В. Д., или язык прилип к горлану?.. Ответить на этот вопрос можно

*) От ред. А разве для донских казаков, а прежде всего для в. казаков, было бы лучше, если бы булава Донских Атаманов была вручена гр. Граббе?

чрезвычайно простым образом, если вспомнить заявление графа Граббе (см. журн. «Станица» № 13, стр. 13), и проф. А. П. Маркова на страницах «Последних Новостей», что о применении Основных Законов В. В. Д. за-границей в полной мере, говорить не приходится!..

Итак, Донские казаки должны ясно разобраться в поведении Донской старшины, не забывая того, что нас, Донских казаков, за-границей всего 20.000 человек, сохраняющих официальным образом свое казачье звание не в пример нашим страждущим братьям в Казачьих краях. Основные Законы В. В. Д. составлены не толкователями вроде «провозглашенного» графа Граббе, или проф. А. П. Маркова выбывшего за-границу из большевицкой Москвы — лицами безответственными, а державным Донским Большим Войсковым Кругом, выражавшим волю 5 миллионов граждан Донской Земли. Именно, свободным волеизъявлением Войскового Круга было создано казачье независимое государство, Всевеликое Войско Донское, добивавшееся признания со стороны иностранных держав на Версальской мирной конференции 1919 года, и если подобного признания не стало, то в первую очередь благодаря поведению казачьей старшины, именно В. А. Хартамова. Ныне-же Донская старшина делает последнюю попытку окончательным образом похерить Основные Законы В. В. Д. стремясь вытравить из сознания Донских казаков государственную конституцию трактующую о независимости Всевеликого Войска Донского, мечтая обратить последнее в простую провинцию России (если таковая будет), со всеми вытекающими отсюда последствиями... Идет девятый вал! Вот почему Донская старшина «провозгласила» не кого-либо, а именно последнего Наказного Атамана Донского Войска графа Граббе «выборным» Донским Атаманом за-границей...

Не распространяясь о деятельности графа Граббе и его «Общеказачьего объединения», в частности в 1926 году, в связи с созывом русского Зарубежного съезда, о чем казаки достаточно хорошо помнят, отметим, что граф Граббе чужой человек для Донских казаков, стоит взглянуть на его титул, на его фамилию, на родословную по мужской линии (по женской линии происхождение графа Граббе нами представлено в «В. К.»); разве граф Граббе родился на Дону, жил и учился, служил Дону? Нет, нет и нет... родился в Стрельне, получил образование в Пажеском Его Величества корпусе в Петрограде, служил в императорской гвардии, был генералом свиты Его Величества, назначенным царской властью Наказным Атаманом Донского Войска. Не так давно в Париже умер ген. Орлов, сподвижник графа Граббе по общественной работе на казачьей ниве в Париже, получивший воспитание и образование и проводивший военную службу подобно графу Граббе в гвардии. Сообразно этому, является весьма любопытным отзыв природного Забайкальского казака ген. И. Ф. Шильникова о ген. Орлове (для сравнения с графом Граббе): «Приказом Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего 1 декабря 1915 г. № 312, 1 Забайкальская казачья бригада перереформирована в 1-ую Забайкальскую казачью дивизию (штаб № 21). В состав дивизии, кроме прежних трех полков включен 2 Верхнеудинский полк Забайкальского каз. войска, который выступил из Урги и в ноябре прибыл в Бобруйск. Командующим дивизией назначен к-р 3 бригады 1-ой Гвардейской кавал. дивизии Свиты Его Величества ген.-майор Орлов. Хотя он и казак Донского Войска, но по своему характеру и необщительности, барским привычкам и службе в гвардии, он был совершенно чужд нам. более чужд, чем прелытавший не казак» (Ген. И. Ф. Шильников: «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914-1918 г.г., стр. 78-89. Харбин. 1933 г.).

Задумайтесь Донские казаки над тем, что уготовано действиями Донской старшины... для будущего бытия Донского Казачества!

А. Ленивов

От ред. Хотя мы и помещаем настоящую статью в разделе «Думы и мысли», считаем все же нужным пригласить донских казаков отнестись к «выборам» гр. Граббе более спокойно и хладнокровно. Ведь эти «выборы» показали совсем не плохой, с нашей точки зрения, факт, что среди Казачества только четвертая часть его держится еще Единой-Неделимой, что среди казаков не больше 25 процентов «русских казаков». Значит, остается и этим 25 процентам открыть глаза на подлинное казачье прошлое и показать путь в лучшее казачье будущее.

Кроме того, нельзя в этом деле все валить на казачью старшину. Прежде всего, надо установить, кого можно и кого следует считать сейчас казачьей старшиной. Нельзя не из старшины делать старшину. Да и сама старшина вряд ли так уж однородна и единодушна. Да и что сделала бы сама старшина без казаков? — Конечно же, 90 процентов, принимавших участие в «выборах», были попросту «русские казаки»... Будут ли они и завтра такими — это еще вопрос.

Не следует преувеличивать и интереса к этим «выборам» «иностранным общественным мнением», событием этим совершенно не интересовавшегося...

«Интерес» был проявлен только некоторыми русскими кругами, которые сделали все для того, чтобы помочь «русским казакам» провести своего кандидата, в чем они и успели.

Но, ведь, кроме 25 процентов принимавших участие есть еще 75 процентов, не принимавших участия в этих «выборах» и последнее слово будет принадлежать им.

СВОИ — К СВОЕМУ!

Многоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите дать место в своем журнале нескольким строкам моего письма, в коем я хочу подлить несколько мыслями с братьями казаками, не состоящими еще в рядах нашего национального движения.

Скажу о том, как рассуждают здесь в Бельгии некоторые казаки вообще о казачьем вопросе и как один русский из Союза Нового Поколения высказал свой взгляд на идею Вольного Казачества.

1. Больше года тому назад, как я давал для прочтения книги: «Пять лет В. К.» и «Трагедия Казачества» часть 1-я, атаману обще-казачьего хутора в Шарлеруа И. В. Шесторкину и просил его дать мне свое мнение о том, что там написано. Не получая никакого ответа, я не был удовлетворен молчанием г-на Шесторкина.

16-го июня с. г. случилось мне побывать в Шарлеруа. И вот встречаюсь с названным лицом и первым делом спросил у него, почему он не дал ответа мне на мои письма по поводу прочитанных книг. Г-н Шесторкин отговорился, что ему некогда было писать ответы на мои письма. Далее, перейдя на казачий вопрос, г. Шесторкин сказал мне, что «Казачество не может самостоятельно существовать потому, что у него нет подготовленных дипломатов. Не может защищаться во время нападения на него врагов». Я ему ответил, что в недавнем прошлом в Казачьих республиках дипломаты нашлись, найдутся и в будущем и что нападения врага нам бояться нечего, т. к. мы будем не одни, у нас будут союзники. Да и одни казаки когда то врагов не боялись. Имея много данных за то, что Казачество может существовать самостоятельно, я убедил г-на Шесторкина и он даже согласился с некоторыми доводами В. К. Он теперь уже хочет жить самостоятельно, но под протекторатом Москвы. Я опять ему сказал, что самостоятельной жизни казакам Москва не даст. На мои доводы и убеждения, что Казачеству нужно стать на свою дорогу и идти по ней в свои Края, имея во главе своих вождей — казаков, а не чужих, г. Шесторкин согласился и сказал, что «Казачество по ошибке доверило свою судьбу русскому ген. Деникину, который и погубил Казачьи государства».

Смотря на стоящего передо мною человека и за-

мечая в нем отсутствие ясной политической казачьей дороги, мне стало жаль его. Он, бедняга, бредет за своими горе вождями, которые пошли в услужение русскому барину. Он еще, видимо, питает надежду, на то, что его вожди быть может поймут свою ошибку и станут на казачью дорогу.

Так или иначе, а казаки из чужих лагерей нет-нет, да и соглашались с нашей В. К. программой. Мы же с ихними программами никак и никогда не соглашались и не согласимся.

2. Со мною под одной крышей живет уже давно казак В. В. Донского, станицы Ерыженской, есаул В. П. Понамарев. Однажды я пригласил его к себе в комнату и попросил его выслушать статью Н. Посохова: «Двойственность казачьей мысли», помещенную в журнале № 176. По выслушании этой статьи В. Понамарев сказал: «Все только пишут, но ничего не делают». Я ему сказал, что «Вам нужно становиться в ряды Вольного Казачества вместе и будем делать что нужно». Он не соглашается на это и говорит, что «когда видно было-бы, что Вольное Казачество начало что-то делать, вот тогда быть может стану и я в ряды его». Я ему опять говорю, что нам, казакам, всем нужно стать на свою казачью дорогу и защищать свое право от русского владычества. Беда наша в том, что много наших казаков бродят по чужим задворкам. Пошли они и за красными русскими и за белыми русскими.

В. Понамарев, видимо, не согласен с идеей В. Казачества и спрашивает меня: «а разве плохо жились казакам до 1914 года и разве Вы отказались бы от такой жизни?» Я ему ответил, что да, отказываюсь. Отказ-же свой мотивирую тем, что не утешает меня быть бесправным холопом на своей земле и в свое хате.

В. Понамарев сам, очевидно, не желает пробудиться от сна и осознать себя, кто он есть русский или казак. И, конечно, и другого не хочет разбудить и привести его в сознание, что он по национальности есть казак.

Разумеется, что если я не пробужусь от сна и не приду в себя, то уж русский меня не пробудит и не скажет мне, что я казак, а не русский. Потому что ему не выгодно. Он хочет, чтобы я, как В. Понамарев, спал бы подольше и не пробуждался бы от такого сна.

И как ни прискорбно, но печальные факты приходится видеть и слышать. В. Понамарев не состоит ни в одной из казачьих организаций. Это он мне сам говорил. Уже не молодой В. Понамарев, а как он рассуждает о будущей самостоятельной жизни Казачества! Вот его слова: «Нам всем, казакам и русским людям, нужно объединенными силами уничтожить в России общего врага коммуниста, а когда уничтожим его, тогда мы, казаки, должны жить сами самостоятельно, а Россия себе пусть живет как знает». Такое мышление человека, прошедшего офицерскую школу, есть сознательная ложь (или самообман?). Как казаку и офицеру нельзя поверить, чтобы он заблуждался. Он отлично понимает, что казакам с русскими людьми прошлое содружество ничего хорошего не принесло. Русские «белые» обманули, а русские «красные» полонили наши земли. Казакам с русскими дружить уже не приходится. Они нас обманывают, они нас обижают, а среди нас еще находятся такие легкомысленные, что опять тянут нас туда же — бороться с русскими на их-же земле. Там русские кровью залили наши края. Разорили наших родных и близких. И, его Понамарева, видимо это ничуть не тревожит. У него уже, видимо, ничего казачьего нет, — нет ни духа, ни крови.

Я все-же спросил В. Понамарева: почему Вы не состоите ни в какой организации? Он мне ответил: «Да я все присматриваюсь, да прислушиваюсь, какая организация начнет что делать». Вот, думаю, какой он мудрый. Присматривается, прислушивается, да еще

наверное и принимает, что кто-то что-то делает, а он потом и скажет: «вот этого-то я и хотел». Такой ум и такая прозорливость не к лицу казачу. Таким талантом обладают и неучи.

Вот вам казак, да еще и офицер. Разве он укажет простому брату-казачу казачью дорогу? Сомнение и жуть охватывает за таких казаков — офицеров. В. Понамарев дружит и делится впечатлениями не с казаками, а с русскими. А раз он с русскими дружит и с ними всем делится, то можно с уверенностью полагать, что казачьему вопросу он мало уделяет внимания, а может быть и совсем о нем не думает.

3. 7-7 с г. ко мне в комнату зашел русский человек, член «Союза Нового Поколения» А. М. Твердость — Твердый. Он принес мне адрес одного из казаков названного союза, некоего Коновалова. Адрес этого казака дал мне «на всякий случай».

Известно, что у кого что болит, тот про то и говорит. Так и мы заговорили каждый о своем. «Гость» мой «доказывал» мне, что казаки и украинцы это те же русские люди. Спрашивается: почему же он из кожи лезет вон и старается доказать, что казаки и украинцы русские люди. Ясно, что тут не без задних соображений. Таким путем он тянет малодушного впрягаться в свою русскую телегу, чтобы увеличить кадр русской нации и потом козырять перед иностранцами, что вот, мол, смотрите сколько русского народа на свете!

Такая махинация для нас, казаков националистов, ни в коем случае не может быть доказательством, что мы русские. Мы, казаки националисты, есть политические эмигранты. И нам, как таковым, нужно исходить из этих же соображений и доказать миру, что мы есть казаки и больше ни кто.

Раз мы имеем свою землю и свое историческое право на самоопределение, тогда не нужно никаких иных доказательств, что мы казаки, а не русские люди.

Осознав себя нацией, Казачество вновь возродится и будет жить так, как живут те народы, которые недавно были в составе Российской империи.

Г-н Твердость — Твердый ярко подчеркнул: «Союз Нового Поколения не допустит самостоятельной жизни Казачества и Украинны».

Когда он мне это сказал, тут я понял, что этот человек зашел ко мне не так с адресом Коновалова, как высказать свое отрицательное отношение к идее Вольного Казачества. Быть может он хотел вызвать меня на дальнейшие с ним разговоры, но я уже не счел нужным распространяться с ним по нашему казачьему вопросу. Случись это мне поговорить с казаком, который плетется в хвосте чужой организации, я бы попросил его сказать мне: что его влечет к чужому народу и что его отталкивает от своего народа?

Грешно и преступно доверять чужому человеку судьбу Казачества. Нам всем нужно стремиться к своему природному казаку и идти за ним по своей дороге.

Наше счастье и наше благополучие только в нашем единении. Иди свой к своему и неси на алтарь своего Отечества свой разум, свои силы и свою жизнь.

В прошлом русские нас обманывали и обижали, в настоящее время они нас обижают и не скрывают своих дальнейших намерений. Так до каких же пор это будет продолжаться?

Хоть раз в жизни давайте, братья-казаки, постойте за свое, а не за чужое. Ведь всегда печальные результаты получались, когда свои-же помогали русским разорять Казачьи Земли.

За своих обиженных русскими палачами заступимся. Прогоним хамов из своих хат и в союзе с поработанными русскими большевиками другими народами будем оберегать свои Края.

К этому я зову братьев — казаков из чужих лагерей.

Н. Боровлев

10-11 июля 1935 г.

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Казачье зеркало

1.

Трогательное единение российской эмигрантской прессы и казачьих руссофильских кругов продолжается... На страницах «Последних Новостей» в качестве «специалиста» по казачьему вопросу выступает журналист Н. В., как говорят, человек «русского» происхождения... Не удивительно, впрочем, что именно г. В., внезапным образом проявил рвение, начав писать статьи по казачьему вопросу, ведь надо было «провозгласить» Донским Атаманом человека тоже «русского» происхождения...

Нельзя не отметить, что граф Граббе любит журналистов, которым он дает интересные интервью... К примеру, отметим, что граф Граббе, побывавший в Белграде в «качестве» Донского Атамана, посетил, между прочим, союз русских журналистов, где был приветствуем речами со стороны и. о. председателя союза г. Пельтцера, г. Даватца, г. Струве, тоже людей «русского» происхождения.

Удивительного ничего нет в том, что в среде русских журналистов объявились непризнанные «специалисты» по казачьему вопросу... Таково знамение времени! К слову сказать, например Турский казачий хутор издает маленький журнальчик «Казачий Досуг», редактором которого является г. Н. М. Иерусалимский, по видимому тоже «казак»...

Не мешает вспомнить, что официоз Донского правительства за-границей, журн. «Казачьи Думы», редактировался в течение целого ряда лет г. Пинусом, тоже «казак», и тоже неизвестно какого Казачьего Войска и станицы...

Резюмировать можно коротко: дожили казаки... граф Граббе, Вакар, Пельтцер, Даватц, Струве, Иерусалимский...

2.

«Ныне лейб-казачий музей стал вообще русским», поведал ген. Оприц, командир лейб-казачьего полка журналисту Вакару. Яснее-ясного представляется картина, когда наблюдаешь потуги лиц «русского» происхождения говорить от имени Казачества.

Странные времена наступают с «провозглашением» графа Граббе Донским Атаманом. Невольно приходят на ум слова русского поэта: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Спрашивается, где-же казачий дух?..

«Русские казаки» — граф Граббе, ген. Оприц, изображая из себя двуликого Януса, могут лишь улыбаться в ответ — не довольны-ли того, что «ныне лейб-ка-

зачий музей стал русским», Донской Архив перестал быть казачьим, будучи передан «русскими» казаками в состав Русского заграничного архива...

«Русские казаки» с людьми «русского происхождения» из журналистического мира, «специалистами» по казачьему вопросу, заставляют казаков забывать о своем казачьем происхождении...

Удастся-ли им это?

3.

Времена меняются... всего лишь по истечении четырех месяцев! От 1 мая с. г. по местам рассеяния Донских казаков, рассылались листовки Архиепископа Гермогена, б. Викария Донской епархии, с благословением на избрание ген. П. Х. Попова в Донские Атаманы. Четыре месяца прошло.. и 1-го сентября с. г. Архиепископ Гермоген, отслужив в Белграде молебен с провозглашением многолетия Граббе, передал последнему благословение — икону, освященную в Иерусалиме, говоря графу: «Вы ныне символ Всевеликого Войска Донского».

Здорово сказано, что и говорить, граф Граббе — символ Всевеликого Войска Донского.

Не менее любопытен в своей роли и б. викарный епископ Гермоген, величающий себя казак-ом ст. Есауловской, В. В. Д. Невольно припоминаются маленькие зверьки, обитающие в долине р. Нила, и меняющие свою окраску применительно к времени года...

4.

Правильно подметил ген. А. М. Драгомиров, когда, приветствуя Граббе в Белграде, сказал: «Характерно, что свободное голосование снова передало власть лицу, которое раньше было Наказным Атаманом».

Относительно свободного голосования — усомнимся, но что касается переизбрания Наказного Атамана, нельзя не отказать ген. Драгомирову в остроумности его утверждения.

Радует б. Наказный Атаман граф Граббе, радуется и русский ген. Драгомиров, заявивший в свое время: «Казачьего вопроса не существует, казаков нет».

Что касается выступления б. Кубанского Атамана — «русского казака» ген. Филимонова, думается, что он несколько неправ, убеждая графа Граббе в приветственной речи, что рассеялось предвзятое мнение, будто казаки — самостийники. Нам кажется, что сами казаки скоро снова сгустят это мнение...

Чикомас

Казачья эмиграция

В. К. в Болгарии

ВК С'ЕЗД В ЕСКИ - ДЖУМАЯ

Первого сентября с. г. в Если-Джумая (Болгария), в присутствии Походного Атамана ВК, состоялся с'езд представителей пяти (из девяти старых) ВК организаций. В. казаки одной из организаций (в Варне) заявили, что, по условиям своей работы, не могут послать на с'езд своего представителя, но разделяют цель его созыва и с оппозицией не имеют ничего общего. Представитель от в. казаков из Сливена не прибыл на с'езд по неизвестной пока причине.

Присутствовали: 1. Из Ески-Джумая: П. Ф. Воронников и М. Туроверов; 2. из Лесковца: Н. Е. Ковалев и М. Токарев; 3. из Трново — С. Гринкин; 4. из Лома — В. Юров и 5. из Бургаса — Л. Бразда.

Председателем с'езда избран был ст. Н. Е. Ковалев, секретарем — войск. старш. П. Ф. Воронников.

В коротком вступительном слове председатель знакомит собравшихся с задачами с'езда.

П. Атаман, инж. И. А. Билый, говорит о цели своего приезда в Болгарию. Цель эта — познакомиться с положением в. казаков на местах, выяснить здесь роль «оппозиции» и найти надлежащее решение споров, существующих между в. казаками. Попутно знакомит присутствующих с положением ВК в других странах, с историей созыва окружных Кругов и с'ездов, с выборами П. Атамана и вообще нынешней ситуацией ВК.

Далее выступают делегаты с'езда — В. Юров, Л. Бразда и С. Гринкин, — рисуя картину ВК в Болгарии и, одновременно, ставя ряд вопросов П. Атаману, на которые последний дает исчерпывающие ответы.

Станичники П. Воронников и М. Туроверов говорят о задачах, стоящих сейчас перед Казачеством и о том, пути, по которому должны идти в. казаки в Болгарии, чтобы достичь объединения их всех вокруг Па-

рижского Центра ВК во главе с П. Атаманом И. А. Билым...

Подробно обсудив, далее, создавшееся в среде в. казаков в Болгарии положение, с'езд вынес следующее решение:

1. Признать правильными решения уже состоявшихся ВК Кругов и с'ездов, принявших участие в выборах Походным Атаманом инж. И. А. Билого.

2. Обратиться ко всем вольным казакам в Болгарии с призывом объединиться около Походного Атамана И. А. Билого.

(Решения эти были приняты большинством всех при одном воздержавшемся. Этот последний, после того, как организация, его пославшая, присоединилась к принятым с'ездом решениям, тоже присоединился к большинству и подписал подлинный протокол).

После того, как были приняты приведенные выше решения, П. Атаман говорит о самой возможности примирения с некоторыми оппозиционерами и об условиях такого примирения, изложенных уже на стр. журнала «В. К.». Что касается ВК в Болгарии, то для наиболее успешной ликвидации создавшихся здесь недоразумений П. Атаман считает необходимым созыв нового окружного с'езда, инициативу созыва которого он возьмет на себя, как только позволит это сделать обстановка. Перед таким созывом будет приведен в известность личный состав каждой из ВК организаций и все они будут поставлены в одинаковые условия, что касается представительства на с'езде. Нельзя, подчеркивает П. Атаман, созывать с'езды, ставя организации в неравные условия, допуская неравномерное представительство, давая преимуществу одним перед другими...

Заявление это с'езд принял с большим удовлетворением и до созыва намеченного П. Атаманом окр. с'езда, временным старшим всех в. казаков, не желающих идти с оппозицией, а решивших присоединиться к большинству ВК, возглавляемому П. Атаманом ВК, избрал единогласно станичника **Н. Е. Ковалева**.

Председатель с'езда: **Н. Ковалев**

В. К. в Румынии

ПРИГОВОР

1935 года сентября 1 дня. Мы, нижеподписавшиеся, должностные лица и члены вольно-казачьего хутора имени Назарова в Галаце (Румыния), собравшись сего числа на очередной сбор, под председательством хуторского атамана **А. К. Бабкова** для переизбрания хуторского правления, ввиду истечения срока полномочий, и для обсуждения других общественных дел, **постановили:**

1. Переизбрать хуторское правление. Вновь избранными оказались: хуторским атаманом **И. Е. Сметанкин**, помощником (он же и казначей) **И. К. Щегольков**.

2. Принять в число равноправных членов хутора исправившегося казака **Н. З. Коренюгина**, исключенного из состава хутора год тому назад, за неисполнение хуторского статута и др. обязанностей.

3. Обложить себя ежемесячно пяти-лейным отчислением для поддержки ВК Центра, во главе с Походным Атаманом ВК, и его канцелярии.

4. Копию сего приговора переслать для напечатания в одном из номеров «ВК» для сведения всему Вольному Казачеству.

Да здравствует ВК! Да здравствует Походный Атаман ВК **И. А. Билый!**

Слава Казачеству!

Хуторской атаман **И. Е. Сметанкин**, помощник **И. К. Щегольков**. Казаки хутора: **А. К. Бабков**, **Н. З. Коренюгин**, **Н. Д. Назаров**, **С. А. Пузащитов**, **А. Г. Ребицков**, **Е. М. Сметанкин**, **А. А. Андриянов**.

В. К. в Польше

В ВАРШАВЕ.

Вечером 14 сего сентября, в помещении Восточного Института, состоялось собрание вольных казаков, проживающих в г. Варшаве, созванное П. Атаманом ВК инж. И. А. Билым.

На собрании этом П. Атаман познакомил присутствовавших с проектом статута «Союза ВК в Польше». Здесь же подписали его (статут) в. казаки, раньше не имевшие возможности того сделать.

Покончив со статутом, П. Атаман сообщил в. казакам о своем намерении созвать в Польше Окружной с'езд ВК, как только статут будет легализирован и как только вольные казаки на местах создадут местные организации, предусматриваемые статутом.

Сообщение это встречено было с большой радостью и в. казаки тут же заявили, что они в самой Варшаве создадут ВК станицу немедленно после утверждения статута. Первое организационное собрание предположено созвать в начале октября.

На собрании присутствовал и представитель вольных казаков из Луцка инж. Ф. Штовхань, познакомивший варшавских вольных казаков с жизнью казаков «на кресах» и положением там дела ВК. Из слов инж. Штовханя выяснилось, что и там возникнет несколько вольноказацких станиц и хуторов...

А тогда, конечно, и у нас в Польше будет настоящий ВК Округ...

(Соб. кор.).

В. К. в Ю.-Америке

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ

Из журнала «ВК» № 178-179 мы узнали о выборах Походного Атамана ВК.

Радостная весть об этом избрании дошла и до нас, казаков самостийников в Парагвае.

От лица казаков националистов, проживающих в Южной Америке, мы приветствуем Походного Атамана и все ВК Округа и говорим: от слов нужно перейти к делу. Там, в родных Краях, ныне залитых кровью казачьих землях, под гнетом руссо-массонов умирает в судорогах распираемое Казачество. Нужно было давно казакам националистам поставить на карту свою жизнь. Быть или не быть. Или мы будем вольными казаками, или же умрем за свои дорогие и любимые Края. Третьего решения быть не должно. Мы обращаемся ко всем казакам — сплотитесь во едино, у кого бьетса казачье сердце, и еще выше поднимите казачье знамя Воли и Независимости.

Те же казаки, в жилах которых течет московская холопская кровь, в силу чего им Москва дороже Родных Казачьих Краев, пусть они будут темным пятном в казачьей истории, ибо Конилии Яковлевы еще не изжиты.

Организованность, железная дисциплина и любовь к Родным Краям должны еще сильнее гореть в душе каждой казацки и казака за рубежом...

А. Лысенко, И. Аносов, И. Главнев

В. К. в Чехословакии

ПОХОДНОМУ АТАМАНУ ВК ИНЖ. И. А. БИЛОМУ

Приговор.

ВК хутора в Новом Книне 15-9-1935 г.

ВК хутор, собравшись на свой сбор под председательством атамана Георгия Милькина, и заслушав его доклад о годичной работе и о 2 Сборе-Круге ВК в Чехословакии, **постановил:**

1. Приветствовать инж. И. А. Билого с избранием его на высокий пост Походного Атамана Вольного Казачества. Желаем ему много сил и здоровья и — поскорее увидеть свою Казачью Землю.

2. Хуторское Правление благодарим за его работу и опять избираем на второй год в старом составе.

3. Посылаем наш сердечный привет и пожелания много сил и здоровья нашему батеньке Петру Леонтьевичу Макаренко.

4. Приветствуем окружных атаманов ВК: ст. Ленинова, Павла Полякова, Сергея Маргушина, всех станичных, хуторских и куренных в. к. атаманов и всех вольных казаков.

Слава Казаки! Слава Походному Атаману ВК! Слава всему Вольному Казачеству!

Атаман в. к. хутора Георгий Милькин, помощник Андрей Сметанкин, писарь Иван Алферов.

В. К. в Германии

ОТВЕТ ОППОЗИЦИИ ИЗ ЖУРНАЛА «КАЗАКИЯ»

Станичники! Прошу вас от души казачьей, бросьте верить своему представителю, каким силится быть в Германии г. Овсяник. Он не только нас хотел обмануть, а до сих пор и вас продолжает обманывать, конечно, для своей пользы, чтобы стать «начальством» в Германии.

Вы пишете в своем журнале «Казакия» № 6 неправду. Вы пишете со слов г. Овсяника, который, повторяю, неправду вам пишет. Вы пишете, что хутор Ермаков, который не пошел на поводку у г. Овсяника, мол, совсем малый, состоит из 5 человек, и удивляетесь, что хутор, почему то, переименовался в станицу, не спросив г. Овсяника. Вы даже и имена проставили, чтобы убедить других казаков, что хутор, мол, состоит из станичников: Лосева, Чипликова, Буянова, Сиволобова и Биндюка. Нет, станичники, не верьте своему представителю, которого никто не признает в Германии окружным атаманом. В этом вы сами скоро убедитесь.

Не надо бы мне и писать эти строки, но хочется познакомить вас и вольных казаков, чтобы они знали правду, а то в самом деле вольные казаки подумают, что здесь — округ, а Овсяник — окружной атаман.

Чтобы доказать и убедить вас, что не признает Овсяника, и почему мы переименовали хутор в станицу, и что нас не пять человек, а значительно больше, привожу здесь список вольных казаков, входящих в станицу и не признающих г. Овсяника окружным атаманом, а признающих ВК Центр в Париже. Прочтя наш список, попросите у г. Овсяника именно список его «округа», пусть также объявит свой список.

Вот вам наш список: 1. Лосев, 2. Буянов, 3. Чипликов, 4. Лозин, 5. Людека, 6. Моргунов, 7. Фролов, 8. Синиченко, 9. Смирнов, 10 Г. Козловский, 11. О. Козловский, 12. Павлов, 13. Сиволобов, 14. Малов, 15. Федоров, 16. Тишечин, 17. Данилко, 18. Биндюк, 19. А. Тьюин, 21. Васько, 22. Сенин, 23. Плясунов, 24. Малицкий, 25. Мартынов, 26. Косолюбов, 27. Гончаров, 28. Воинов, 29. Лошенко, 30. В. Петренко, 31. А. Петренко, 32. Игарионов, 33. Шевцов, 34. Выхлянец, 35. Калабухов, 36. Ткачев, 37. Спиридонов, 38. Давидов, 39. Полнов, 40. Сафонов, 41. Пичинов, 42. Лукьянов, 43. Карасев, 44. Судаквич, 45. Ревеников, 46. Романенко, 47. Лобачев, 48. Абачов, 49. Боршев, 50. Силкин.

Вот, как видите, сколько не признающих Овсяника, а он распинается перед нами, что его все признают, а не признает только Лосев да еще 1-2 казака. Неправду говорит он вам, а вы поверили и пишете и оскорбляете нас, истинных вольных казаков, которые отдадут все для спасения своей родины.

В будущем просим вас не оскорблять напрасно нас, вольных казаков. Мы держимся не какой либо личности, как вы пишете а держимся и тем же прежде всего, чего и вам советуем. Не за кресло надо бороться, а за идею ВК. Тогда мы скорее добьемся своего.

Да здравствует ВК! Да здравствует Казакия!

Станичный атаман ст. Ермаковой в Ганновере

Лосев

МОЕ СЛОВО

Походному Атаману И. А. Билому в Париже.

Я, старший урядник Григорий Дмитриевич Мартынов, прошу Вас поместить в нашем журнале мою благодарность станичному атаману хор. Лосеву за то, что он спас меня от оппозиции. Я ведь по неосведомленности попал в лагерь оппозиции. Хор. Лосев не переставал писать мне письма, освещая ими положение дела, а теперь я и сам убедился, где правда. Я читал письма и станичника Лосева и г. Овсяника и, как природный казак, разобрался, где правда и убедился, что Лосев стоит на правильном пути, а Овсяник просто хотел надуть нас. Я написал Овсянику правду, на что он до сих пор не ответил, да вероятно и не ответит.

По рекомендации хор. Лосева я вступил в станицу Ермакову и имел счастье быть на сборе 1 сентября, где я многое почерпнул, чего раньше не знал. Молодцы станичники Ермаковцы. Спасибо атаману станицы за то, что он сумел сделать в станице порядок и дисциплину.

Когда собрались казаки на сбор, атаман сделал доклад об оппозиции в Германии. Приятно было слушать правдивые слова. Из доклада видно, что ВК оппозиция в Германии бита, чему мы живые свидетели. Мы были в оппозиции, а теперь сидим и слушаем правду.

Дорогие братья, вольные казаки! Не бойтесь, что у нас нет офицеров, как пишет оппозиция, что у них вся интеллигенция и офицеры. Нет, это неправда. Вот вам пример хорунжий Петр Тимофеевич Лосев, который душу свою отдает за Казачество.

Мы, вольные казаки, живущие в Германии должны радоваться тому, что у нас есть человек, на которого можно положиться. Пошли ему, Господь, сил и здоровья служить на пользу ВК, и дай Бог, чтобы он сумел объединить всех казаков, проживающих в Германии. В этом мы должны помогать ему, а помощь наша может выражаться в нашей спайке.

Я, вольный казак В. В. Д., дал клятву в 1919 г. служить честно и непоколебимо Тихому Дону. Сегодня вторично даю клятву честно и непоколебимо служить трехцветному ВК знамени и Походному Атаману И. А. Билому. Дай Бог ему сил и здоровья объединить всех идейных вольных казаков вокруг идеи ВК.

Итак, дорогие братья казаки, поспешите поскорее к нам, под знамя Вольных Казаков.

Да здравствует ВК! Да здравствует Казакия!

Ст. ур. Григорий Д. Мартынов

5 сентября 1935.

О МОЕМ УХОДЕ.

Станичник редактор, не откажите поместить на страницах «ВК» следующее:

На состоявшемся в июле с. г. сходе казаков ст. Берлинской я заявил о выходе из состава станицы, мотивируя свой уход нежеланием поддерживать оппозицию, не зная лиц, стоящих во главе так называемого Вр. Центра в Братиславе.

Мое желание подробно пояснить сходу, что руководители оппозиции как мне, так и большинству казачьей массы неизвестны и что быть на поводу у неизвестных казакам, сейчас особенно, рискованно, — не могло быть осуществлено, так как ст. атаман Овсяник лишил меня слова.

На том же сходе г. Овсяник объявил, что в Берлинской станице числится более 15 человек, из которых 6 человек живут в Берлине и его окрестностях. Эти 6 казаков (в том числе и я), присутствовали на сборе. После моего выхода из состава станицы, там осталось 5, фактически и могут составлять станичный сход. (Согласно ст. 14 устава ВК станицы в Берлине приговор сбора должен быть подписан: атаманом, писарем, и 4 членами).

Из этих 5 человек 3 входят в состав «окружного правления». Следовательно, г. Овсяник с его «окр. правлением» может рассчитывать на поддержку не бо-

лее и не менее, как 2 казаков, живущих в Берлине.

Что же касается 8-9 членов Берлинской станицы, живущих за пределами Берлина и даже за пределами Германии, то тут будет позволительно высказать предположение, что г. Овсяник оперирует ими только потому, что это ему выгодно, иначе он сократил-бы этот список, пожалуй, на половину, имея к тому много веских оснований, не считая в том числе ст. 7 статута, предусматривающей исключение членов за неуплату членских взносов.

Несомненно, что не все казаки станицы Берлинской, живущие вне Берлина и вне Германии, согласны с произвольными деяниями г. Овсяника, особенно с его решением порвать сношения с Парижским Центром ВК, и потому было бы желательно, чтобы они сами высказали свое мнение по этому поводу на страницах журнала «ВК», дабы г. Овсянику не повадно было опираться на их мнимую поддержку.

А. Петренко (Германия)

В. К. в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ

1. Зачисляется с 11 августа с. г. в списки округа вольноказачий имени Н. С. Рябовола курень в селе Валоколье под № 18.

Новым соратникам — час добрый!

2. Согласно постановления окр. правления от 15-9-1935г. впредь церковным праздником всех в. к. организаций считать день Покрова Пресвятой Богородицы, каковой всем в. к. организациям отметить церковной службой.

3. На основании того же постановления из списков округа исключается казак Шариков Константин.

4. Окр. правление на заседании 15-9 с. г., разобрав вопрос о так называемой «оппозиции» во всей его широте, отметив, что правление «оппозиции» на приглашение приехать официально ничего не ответило, и ознакомившись с содержанием последних номеров «Казаккии» и «Единства и Независимости», постановило: впредь с «оппозицией» никаких сношений не иметь.

Окружной атаман П. Поляков

Вр. и. д. помощника Н. Букин

НОВЫЙ КУРЕНЬ

Приговор.

1935 года, августа 11 дня, село Волоколье, срез Белевачки, Моравской бановины. Сербия.

Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки, проживающие в селе Волоколье и его окрестностях, собравшись сего числа на собрание, под председательством сотника Алексея Шевченко, и поговорив о наших казачьих делах, постановили:

1. Вступить в ряды Вольного Казачества и точно выполнять его программу и честно служить ВК идее.

2. Создать вольно-казачий курень в духе наших предков, героев вольно-казачьей старины. Курень называть именем Н. С. Рябовола. Все свои силы и возможности отдать служению на пользу возрождающегося казачьего государства Казакии.

3. Избрать должностных лиц куреня.

При боллатировке избранными оказались: атаманом куреня чиновник в. в. Степан Ив. Левченко. Казначеем — сотник Алексей Як. Шевченко.

4. Принимать в ряды нашего куреня только казаков хорошо нам известных, внушающих доверие, готовых жертвенно служить только национальному вольно — казачьему делу.

5. Признать ныне избранного всеми вольно-казачьими организациями Походного Атамана, природного казака инженера Игната Архиповича Билого и выразить ему нашу глубокую благодарность за его труды в работе по освобождению и созданию самостоятельного казачьего государства Казакии.

Настоящий приговор представить окружному атаману в Югославии на утверждение.

В чем и подписываемся: куренной атаман С. Левченко, казначей сотник Алексей Шевченко. Члены куренного общества: Николай Краснов, подхор. Кубанец, подпрапорщик Мануил Лепеха (украинец), вахм. Федор Запорожец (кубанец), вахм. Иван Ищенко (кубанец, Петр Никол. Паньків (украинец), стар. ур. Василий Соколов.

ДОВЕРИЕ

Станичник Редактор!

Покорнейше прошу Вас поместить на страницах нашего национального журнала нижеследующее:

4 августа с. г. состоялось собрание всех членов

Смедеровская ВК станица в день своего праздника.

Крагуевацкой станицы имени А. И. Кулабухова. Открыв собрание, станичный атаман **Ив. Билоус** поздравил всех присутствовавших с выборами первого Походного Атамана. Казаки все, как один, ответили: «Да здравствует первый Походный Атаман!»

После этого станичным атаманом был прочитан призыв Походного Атамана, на что казаки встали и громко ответили: «Дисциплина у нас есть. Тебя, Атаман, поддержим и долг наш исполним!» Гордость и счастье замечались на лицах казаков. И как не быть счастливыми и гордыми? Первый раз в жизни, на первой странице красуется портрет нашего первого Походного Атамана. Не русский граф, а коренной и природный казак. День этот, т. е. когда вольные казаки выбрали себе того, кто поведет их по дороге самостоятельности, должен быть записан на особой странице ВК движения... Чтобы это знали все матери казачки, чтобы они передавали это своим детям...

Затем станичным казначеем Д. Г. Хайло предложен и всеми казаками принят текст поздравительного письма такого содержания:

«Первому Походному Атаману

И. А. Билому.

4 августа 1935 года на станичном собрании станичным атаманом Билоусом был прочитан результат выборов Походного Атамана и Ваш призыв: «К казачьим патриотам».

Мы, в. казаки Крагуевацкой имени Кулабухова станицы ждали того знаменательного для ВК дня с большим нетерпением и один у другого спрашивали: Кого же выберет Вольное Казачество в Походные Атаманы?

Сегодня мы узнали, что ВК выбрало Вас на пост Походного Атамана.

Какое счастье, какая радость и какой большой успех для ВК. Этот выбор убедил нас в том, что вольные казаки все одного духа и одной мысли. Эти выборы показали нашим врагам, что вольные казаки едины, непоколебимы и преданы своей идее. Ни агитаторы, ни деньги наших врагов не смогли разбить сомкнутые ряды ВК.

Пусть знают враги наши, что такое ВК! Это им не 1918-19 г.г. Поршло то время. ВК на всем прошлом поставит крест. Вольные казаки смело и все, как один, сказали: мы хотим идти дорогой ВК до конца!

А кого другого мы, вольные казаки, выбрали бы в Походные Атаманы, если не Вас?

Не Вы ли были одним из сподвижников Рябова и Кулабухова, боровшихся за независимое казачье государство? Не Вы ли первый в течении вот уже почти 8 лет пробуждаете среди казаков национальное чувство? Не Вы ли первый за границей открыли нам трагедию Казачества? Не Вы ли первый указали нам гибельную, разрушительную работу наших б. Войсковых Атанов? Не Вы ли здесь первый показали нам настоящий казачий путь? Не Вы ли учите нас, как любить Казачество и свою родную землю? Не Вы ли зовете нас служить только Казачеству и положить все свои силы не для блага России, а для создания казачьего государства **Казаккии**?

Да, только Вы один и зовете нас под знамя казачье, для спасения казачьей земли из рабства кровавой Москвы. А потому Вы и должны возглавлять ВК. Только Вам и можно доверить судьбу Казачества.

Мы Вам верим и Вы поверьте нам!

Идите и ведите нас на смену уставшим борцам за правое дело, за волю, за счастье казачье.

Мы все здесь поклялись служить верно Казачеству и Вам.

Мы, верные сыны Казачества, поздравляем Вас с вступлением на пост Походного Атамана и шлем Вам сердечный привет и пожелание, как можно скорее довести Казачество к своему Государству.

Да здравствует ВК! Да здравствует первый Походный Атаман ВК **И. А. Билый!**

После этого станичный атаман Билоус закрывает сбор.

Д. Хайло

В ЛЮБЛЯНЕ.

Есть в. к. организация и в столице прекрасной Словении — Любляне. Ни тяжелый труд, ни долгая тоска изгнания, ни красота исторического города, который когда-то был разрушен Атиллой, а спустя сотни лет посещен Наполеоном, — не угасили в казачьих сердцах любви к их родине и надежды на ее освобождение. Жили здесь станичники дружной семьей, прислушиваясь, по обычаю казачьему, к голосу пожилого казака — полковника **А. В. Ермакова**. В. К. призыв быстро нашел в них своих сторонников. Осторожно и внимательно разобравшись в писаниях «оппозиции» и списавшись с Окр. Правлением, хутор имени Ермака Тимофеевича вошел в Югославянский В. К. Округ.

Атаман не раз собирал хуторян побеседовать о казачьих делах, о казачьей истории и хотя бы мысленно всем хутором перенестись туда... на Восток...

И теперь, когда В.-К. движение возглавилось Походным Атаманом, **А. В. Ермаков** поспешил собрать свой хутор. 28 июля, в шесть часов вечера, когда собрались те, кто мог, кто не работал, Атаман открыл заседание:

«Открываю торжественное заседание нашего хутора и поздравляю вас, станичников, с Походным Атаманом. Наше движение возглавлено. Какое это имеет значение для всего Казачества, вы понимаете сами. Наше сегодняшнее заседание, первое после окончания выборов, я считаю торжественным...

...Не только честь мы оказали нашему избраннику, тяжелый крест мы вручили ему, который ему одному, без нас, не снести. Христос и тот не мог внести свой крест на Голгофу, нашелся тот, кто помог Ему. Так и мы должны помочь **И. А. Билому** нести крест Походного Атамана.

...Когда мы будем, как сталь, как монолит, мы найдем себе союзников и достигнем своей цели.

Да здравствует Вольное Казачество и его Походный Атаман! Слава ему!» — Слава! поднимаясь, дружно ответили присутствующие.

Затем атаман обратился с приветственным словом к приглашенному **Д. Родионову** — окр. писарю и предложил ему начать доклад. Докладчик коснулся следующих вопросов: 1. Краткая история В. К. движения. 2. Большой Круг В. К. 3. В. К. Круг по государству. 4. Выборы Походного Атамана В. К. 5. Гр. Граббе — Донской Атаман. 6. Наш долг перед Казачеством.

По окончании доклада, докладчик предложил задавать ему вопросы.

— Я слышал, что наш Походный Атаман **И. А. Билый** не казак, сказал, между прочим, один станичник.

— И я это слышал, подтвердил другой.

Ответ докладчика успокоил казаков.

После этого сбором хутора был разрешен ряд вопросов, а когда официальная сторона была кончена, началась душевная казачья беседа. С особым интересом станичники спрашивали: А как «там»? Что «оттуда» пишут?

Поговорили и об «оппозиции». «Из переписки с оппозицией, а особенно из докладов, которые я видел на Круге в Белграде, я вывел заключение, что оппозицию возглавляют люди, ставящие личные интересы выше идеи. Цену таким людям мы знаем», говорит **А. В. Ермаков**.

За стаканом вина вспомнили станичники свои песни. Уютно было в своем кругу, однако мысль о работе с раннего утра заставила разойтись на отдых...

18 августа снова собрались побеседовать казаки хутора Ермака Тимофеевича, на этот раз пригласив и некоторых несогласных с В. К. идей.

Окр. писарь **Д. Родионов** начал беседу с того, что объяснил историческое происхождение гимнов и подробно остановился на гимне В. В. Д., подчеркнув его смысл и значение. Пояснены были также рассказом легенд происхождение донского герба и имя реки Дона. Далее, указав на существование самостоятельного

духа у казаков в прежнее времена, Д. Родионов перешел к положению Казачества ныне и к В. К. идее, как единственному выходу для его спасения. После этого наступили горячие прения, в которых, кроме ведущего беседу и несогласных, принимали участие многие хуторяне.

Беседа с прениями продолжалась четыре часа.
(Соб. кор.).

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Оправившись после перенесенной операции, вступил в исполнение своих прямых обязанностей окружного атамана.

2. Зачисляю в списки округа ВК во Франции казаков ВВД: А. Ф. Брехова с 15-8-1935, Д. Г. Бочарова с 15-5, Г. И. Павлова с 15-5, И. С. Орехова с 30-5; казаков ККВ: Т. Г. Бобанова с 15-8, Ф. В. Милованова с 15-8, П. П. Ноздринова с 15-8 и И. А. Онищенко с 1-7.

3. Исключаю из списков округа ВК во Франции казака ВВД — А. А. Киселева с 20-8 с. г.

4. 1) Все вольно-казачьи организации обязаны отметить устройством торжественных собраний, в первую субботу после 1 октября, день 294 летней годовщины бессмертного т. н. «Азовского сидения» Донских казаков. 2) Всеказачий праздник Покрова Пресвятой Богородицы праздновать в день 14 октября; 3) 16 летнюю годовщину гибели казачьего патриота А. И. Кулабухова от руки русских палачей отметить в день 20 ноября.

Окружной атаман А. Ленивов

5-9-1935 г.

В КАРКАССОНЕ.

Приговор.

1935 года, 7 июля. Общество вольных казаков Каркассонского района в составе десяти человек переизбрало станичное правление. Большинство голосов при тайном голосовании избранными оказались: станичным атаманом хорунжий И. И. Марченко, помощником атамана И. В. Недорезов и писарем (он же и казначей) Н. П. Палий.

Настоящий приговор своими подписями и приложением станичной печати свидетельствуем: станичный атаман Губин, помощник Забураев, казаки станицы: Александр Арженовский, Никита Палий, Иван Недорезов, Андрей Аверьянов, Иван Улитин, Иван Щербина, Николай Большаков. Станичный писарь И. Марченко.

Приговор 2.

1935 года, 7 июля. Общество вольных казаков Каркассонского района, под председательством станичного атамана хорунжего И. И. Марченко имело суждения об общественных нуждах и текущих делах. При чем постановило:

1. Выразить казачье спасибо Ивану Степановичу Губину за организацию и труды, понесенные им по должности станичного атамана.

2. Обложить ежемесячным взносом членов общества по 3 ф. 50 с. и распределить их следующим образом: а) 1 франк на нужды Центра ВК, б) 1 франк на окружное правление и в) 1 ф. 50 сан. на станичные нужды.

Настоящий приговор своими подписями и приложением станичной печати свидетельствуем: станичный атаман И. Марченко, помощник Недорезов, писарь Н. Палий. Казаки станицы: А. Арженовский, И. Губин, А. Аверьянов, Н. Большаков, А. Забураев, И. Просвилов, И. Улитин, И. Щербина.

К СВЕДЕНИЮ КАЗАКОВ РУССКОГО ТОЛКА

28 августа в гор. Тулузе, в Русском воинском союзе, г. Левицкий сделал доклад о положении в советской России и о задачах русской эмиграции.

Сказано было много о тирании советской власти

над русским народом, о голоде на Украине, где ежедневно утром грузовики подбирают тела мертвых, умерших с голоду. Напомнил и о том, что казацкие Края почти уже расказачены, казаки высланы, а на их месте уселись присланные из центральных губерний, т. е. говорил то, что нам, казакам и украинцам, известно.

Из его доклада мы заключаем, что советская власть своей кровожадностью обрушилась на национальные меньшинства, проживающие на территории бывшей Российской империи, ибо г. Левицкий не сказал и не указал ни одного города в Великороссии, чтобы там грузовики подбирали мертвых великороссов, а все это происходит на Украине, в казачьих Краях и др. И это делается для того, чтобы раз и навсегда покончить с национальным вопросом этих народностей.

В заключение призывал эмиграцию в ряды русских националистов для будущего служения национальной России.

После доклада казаками были заданы докладчику вопросы: как думает будущая имперская Россия разрешить национальный вопрос народностей, проживающих на территории России?

Ответ последовал короткий и ясный: никакого национального вопроса пока не существует, все должны общими силами освободить Россию из под коммунистического ига, а когда соберется национальное Имперское правительство, оно и решит его, если это будет в интересах России.

Я обращаюсь к вам, русские казаки! разве вы и после таких заявлений будете ждать милости от будущих русских правителей и самой матушки Расей, авось, все-же, сжалятся и даст казакам право избирать себе Атамана!..

Когда же вы придете к своей памяти, когда же, наконец, сознаете, что вы казаки! — дети широких просторов казачьей земли, а не русские батраки - холуи!..

Когда сбросите белую пелену с ваших глаз и посмотрите, что творится с Казачеством и среди Казачества?

Когда же, наконец, перестанете слепо следовать за вашими вождями, которые ведут вас в лоно Московской опричины для окончательного уничтожения казачьего я, что уже делает русская большевицкая власть.

Братья казаки, пора сделать выбор: или быть казаком или отказаться от Казачества, быть русаком. Каждый казак, кто с гордостью называет себя казаком, должен быть только в рядах Вольного Казачества, под вольно - казачьим замением, где существует имя казак, где существует национальный вопрос для всех народностей, где хотя жить как равный с равным.

Есть казаки и в будущем будут только казаки, а кто считает себя русским казаком, тому лучше отказаться от этого имени, отказаться от исторической казачьей формы, от лампас и черкесок и в будущем именовать себя не казаком, а русским лапотком.

Каз. Ив. Хрипушин

РОЗЫСКИ.

1. Иосиф Михайлович Фильчуков, станицы Митянской, розыскивает сотн. Якова Фильчукова и Ивана Як. Фильчукова (б. кадет Донского кад. корпуса). — Откликнуться по адресу:

I. Felczukow, kol. Czeski Boratin, k/Lucka. Pologne.

2. Иван Сторчак, ст. Дядьковской, розыскивает Николая Семеновича Сторчака (уехавшего из Болгарии во Францию). Откликнуться по адресу:

Ivan Storcak, ul. Belgicka 8, Praha — Vinohrad, Tchecoslovaquie.

3. Егор Иванович Милькин розыскивает Петра Ивачовича Милькина, Павла Ивановича Милькина и Ивача Логвиновича Донкова. Откликнуться по адресу:

G. Milkin, v Cimi s. 49, pos. Novy Kn'in. Tchecoslovaquie.

4. Андрея Ив. Маклюк, по просьбе отца, розыскивает: N. M. Dmitrenko, ul. Stojana Protica 13, Beograd. Yougoslavie.

5. Редакцией «ВК» получено письмо на имя подхорунжего ВК Федеева (из Сев. Америки).

